

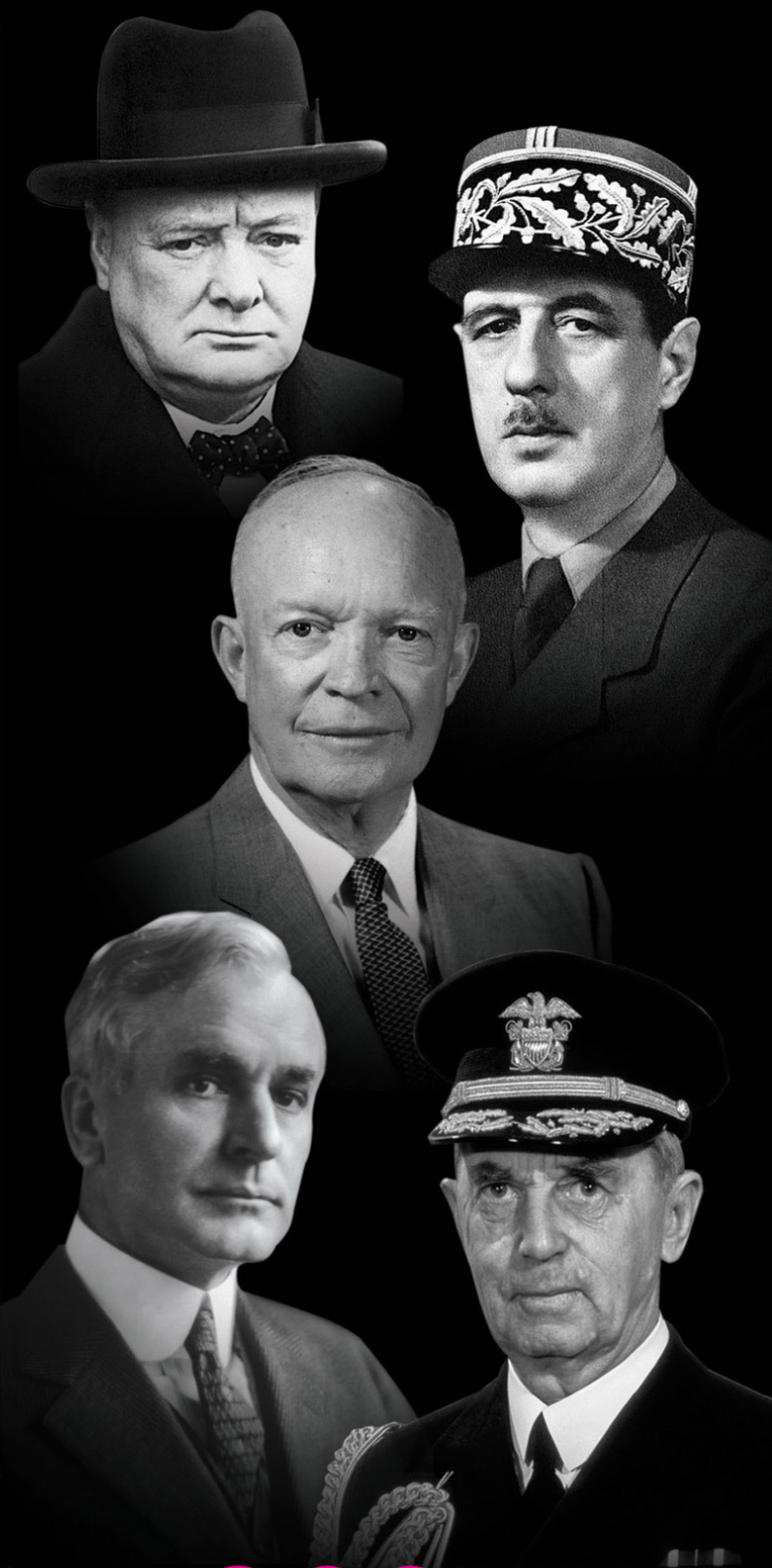
УИНСТОН
ЧЕРЧИЛЛЬ

ШАРЛЬ
ДЕ ГОЛЛЬ

ДУАЙТ
ЭЙЗЕНХАУЭР

КОРДЕЛЛ
ХЭЛЛ

УИЛЬЯМ
ЛЕГИ

ПОМОЩЬ РОССИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ВОСПОМИНАНИЯХ

Великие вспоминают

Уинстон Черчилль

**Помощь России. Великая
Отечественная война
в воспоминаниях**

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 63.3

Черчилль У. С.

Помощь России. Великая Отечественная война в воспоминаниях /
У. С. Черчилль — «Алисторус», 2020 — (Великие вспоминают)

ISBN 978-5-907351-58-5

Воспоминания У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги и Д. Эйзенхауэра посвящены сотрудничеству СССР и стран антигитлеровской коалиции во время Великой Отечественной войны. В те годы они стояли в центре политических и военных событий, играли определяющую роль в формировании политики своих стран, планировании и осуществлении стратегических операций против держав «оси». Мемуары выдающихся деятелей Запада позволяют более полно осветить события тех лет, показать степень участия каждой из сторон в разгроме гитлеровской Германии. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94

ББК 63.3

ISBN 978-5-907351-58-5

© Черчилль У. С., 2020
© Алисторус, 2020

Содержание

Уинстон Черчилль	6
1940. Германия и Россия	8
1941. Советы и Немезида	20
Наш советский союзник	33
Помощь России	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Уинстон Черчилль, Шарль де Голль, Дуайт Эйзенхауэр, Уильям Леги, Корделл Хэлл Помощь России. Великая Отечественная война в воспоминаниях

© Черчилль У., 2020

© де Голль Ш., 2020

© Леги У., 2020

© Хэлл К., 2020

© Эйзенхауэр Д., 2020

Уинстон Черчилль Англия в войне

Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) – государственный, политический и военный деятель Великобритании, лидер консервативной партии в 1940–1955 годах. В 1911–1915 годах – первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр). В 1917–1919 годах – министр военного снабжения; в 1919–1921 годах – военный министр и министр авиации. Был одним из организаторов антисоветской интервенции. В 1921–1922 годах – министр колоний. В 1924–1929 годах – канцлер казначейства (министр финансов). В 1930-е годы активно выступил

пал против внешней политики С. Болдуина и Н. Чемберлена, направленной на умиротворение фашистских агрессоров. С сентября 1939 до мая 1940 года – военно-морской министр. С 10 мая 1940 до 26 июля 1945 года – премьер-министр, первый лорд казначейства и министр обороны. С мая 1940 по февраль 1942 года – лидер палаты общин. В 1951–1955 годах – вновь премьер-министр и первый лорд казначейства. Лауреат Нобелевской премии по литературе.

1940. Германия и Россия

Гитлеру не удалось поставить на колени или завоевать Англию. Было ясно, что наш остров выстоит до конца. Поскольку господство на море или в воздухе не было обеспечено, представлялось невозможным двинуть германские армии через Ла-Манш. Наступила зима с обычными в это время штормами. Попытки немцев запугать английскую нацию или подорвать ее способность вести войну и сломить ее волю бомбардировками потерпели крах, а молниеносная война обходилась дорого. Должно было пройти много месяцев, прежде чем представилась бы возможность возродить операцию «Морской лев»; с каждой неделей численность, подготовка и оснащение английских внутренних армий требовали все большего расширения операции, а это усугубляло трудности транспортировки. В апреле или мае 1941 года для этого было бы уже недостаточно даже 750 тыс. человек с полным оснащением. А какая надежда была на то, что удастся к тому времени найти необходимое количество судов, барж и специальных десантных средств, необходимых для такого гигантского удара с моря? Как им удастся сконцентрировать в условиях все возраставшей английской воздушной мощи? А тем временем воздушные силы, на которые работали день и ночь заводы Англии и Соединенных Штатов и для которых действовала обширная система подготовки летчиков в доминионах, главным образом в Канаде, пожалуй, через год или около того станут по численности превосходить германские, так же как они уже превосходили их по качеству. Удивительно ли при этом, что Гитлер, убедившись, что надежды и хвастовство Геринга оказались пустым звуком, обратил свои взоры на Восток? Как и Наполеон в 1804 году, он отказался от мысли напасть на наш остров, по крайней мере, до тех пор, пока не устранит восточную угрозу. Он считал, что сейчас он должен любой ценой урегулировать дела с Россией, прежде чем поставить все на карту вторжения в Великобританию. Подчиняясь тем же силам и руководствуясь теми же соображениями, что и Наполеон, когда тот двигал свою великую армию от Булони к Ульму, Аустерлицу и Фридрихсвалду, Гитлер на некоторое время отказался от своего стремления и от необходимости уничтожить Великобританию. Теперь это должно было стать последним актом драмы.

Несомненно, он принял твердое решение в конце сентября 1940 года. С тех пор налеты на Англию, хотя и носившие больший размах в связи с увеличением численности авиации, заняли в мыслях фюрера и в германских планах второстепенное место. Они могли играть роль успешного прикрытия для других планов, но Гитлер больше не рассчитывал на них как на средство добиться решающей победы. На Восток! Лично я из чисто военных соображений не возражал бы против германской попытки вторжения в Англию весной или летом 1941 года. Я считал, что противник при этом понес бы самое сокрушительное поражение, которое когда-либо приходилось испытать какой бы то ни было стране в ходе военной операции. Но именно по этой причине я был не настолько наивен, чтобы ожидать этого. Во время войны противник делает не обязательно только то, что вам нравится. И все же в ходе длительной борьбы, когда, казалось, время в течение года-двух работало на нас и мы могли завоевать на свою сторону могучих союзников, я благодарил бога за то, что наш народ избавлен от этого величайшего испытания. Как будет видно из бумаг, которые я писал в то время, я никогда серьезно не предполагал, что немцы вторгнутся в Англию в 1941 году. К концу 1941 года мы уже прочно стали на обе ноги; мы больше не были в одиночестве; три четверти мира было с нами. Но в этот памятный год произошли колоссальные события, значение которых нельзя было предугадать.

Жители Лондона в бомбоубежище в подвале магазина на Риджент-стрит во время бомбардировки города немецкой авиацией

В то время как ничего не знавшим жителям континента и всему внешнему миру наша судьба казалась решенной или в лучшем случае висящей на волоске, взаимоотношения между нацистской Германией и Советской Россией приобрели первостепенное значение в международных делах. Коренные противоречия между двумя деспотическими державами вновь дали себя знать, как только стало ясно, что Англию не удастся сразить и покорить, как Францию и Нидерланды. Нужно отдать справедливость Сталину, он всеми силами старался лояльно и верно сотрудничать с Гитлером, в то же время собирая все силы, какие он только мог собрать на необъятных просторах Советской России. И он, и Молотов исправно посылали свои поздравления с каждой германской победой. Они направляли в Германию бесконечным потоком продовольствие и важнейшее сырье. Их коммунистическая пятая колонна делала все, что могла, для того чтобы помешать работе наших заводов. Их радио оскорбляло нас и клеветало на нас. Они были готовы в любой момент достигнуть прочного урегулирования с нацистской Германией по многим важным нерешенным вопросам и благодушно встретить окончательное уничтожение британской державы. Но вместе с тем они признавали, что эта политика может потерпеть крах. И они были исполнены решимости любыми средствами выиграть время и не намеревались, насколько они могли оценить эту проблему, основывать русские интересы и стремления исключительно на победе Германии. Две великие тоталитарные империи, в равной мере не знавшие сдерживающих моментов морального свойства, стояли друг против друга вежливые, но неумолимые.

Между ними были разногласия относительно Финляндии и Румынии. Советские руководители были потрясены падением Франции и ликвидацией второго фронта, которого они вскоре стали так решительно требовать. Они не ожидали такого быстрого падения Франции и очень рассчитывали на взаимное истощение противников на Западном фронте. А теперь Западного фронта не было! И все же было бы глупо вносить какие-либо серьезные изменения в сотрудничество с Германией до тех пор, пока не удастся выяснить, уступит ли Англия и будет ли она сокрушена в 1940 году. По мере того как Кремлю становилось все очевиднее, что Англия в состоянии вести упорную войну неопределенное время, в течение которого в

США, а также в Японии могло произойти все что угодно, Сталин все больше стал сознавать угрожающую ему опасность и все больше старался выиграть время. Тем не менее весьма знаменательно, как мы увидим, какими преимуществами он жертвовал и на какой риск шел ради того, чтобы сохранить дружественные отношения с нацистской Германией. Еще более удивительными были те просчеты и то неведение, которые он проявил относительно ожидавшей его судьбы. В период с сентября 1940 года до того момента, как Гитлер напал на него в июне 1941 года, он был бессердечным, хитрым и плохо информированным гигантом.

Нарисовав общую картину, мы можем теперь приступить к описанию поездки Молотова в Берлин 12 ноября 1940 года. Большевистского посла, прибывшего в сердце нацистской Германии, встретили со всеми церемониями, осыпая его всевозможными комплиментами. В течение последовавших двух дней между Молотовым и Риббентропом и между Молотовым и Гитлером происходили напряженные переговоры. Все основные моменты этих важных переговоров и столкновений были изложены в сборнике трофейных документов, опубликованном в начале 1948 года государственным департаментом в Вашингтоне под заголовком «Нацистско-советские отношения, 1939–1941 гг.». Для того чтобы понять, что там происходило, нужно обратиться к этим документам.

Первая встреча Молотова состоялась с Риббентропом¹.

12 ноября 1940 года «Рейхсминистр иностранных дел заявил, что в письме Сталину он уже выразил твердое убеждение Германии, что никакая сила на земле не может изменить того обстоятельства, что наступило начало конца Британской империи. Англия разбита, и сейчас лишь вопрос времени, когда она наконец признает свое поражение. Возможно, что это произойдет скоро, ибо в Англии положение с каждым днем ухудшается. Германия, конечно, приветствовала бы скорейшее завершение этого конфликта, ибо ни при каких обстоятельствах она не хочет без нужды жертвовать человеческими жизнями. Если же, однако, англичане не решатся в ближайшем будущем признать свое поражение, то они, конечно, запросят мира в будущем году. Германия продолжает воздушные налеты на Англию день и ночь. Ее подводные лодки будут использоваться максимально и причинят ужасающие потери Англии. Германия придерживается мнения, что эти атаки вынудят, пожалуй, Англию отказаться от борьбы. В Великобритании уже чувствуется некоторое замешательство, которое, по-видимому, говорит о таком исходе. Если Англия все же не будет поставлена на колени нынешними средствами наступления, то Германия, как только позволят условия погоды, решительно поведет широкое наступление на Англию и тем окончательно сокрушит ее. Этому массивному наступлению до сих пор мешали лишь неблагоприятные условия погоды.

Всякая попытка высадиться или вести военные операции на Европейском континенте со стороны Англии или же Англии, поддержанной Америкой, обречена на полный провал с самого начала. Это вовсе не представляет собой военную проблему. Англичане этого еще не поняли, ибо в Великобритании наблюдается некоторое смятение умов, а также потому, что страну возглавляет дилетант в политике и в военном деле по имени Черчилль, который на протяжении всей своей прошлой карьеры терпел неудачи во все решающие моменты и потерпит неудачу и на этот раз.

Далее, державы „оси“ полностью господствуют в своей части Европы как в военном, так и в политическом отношении. Даже Франция, которая проиграла войну и должна платить за это (об этом французы, кстати, отлично знают), признала тот принцип, что Франция в будущем никогда больше не окажет поддержки Англии и де Голлю, этому донкихотствующему завоевателю Африки. В силу исключительной мощи своих позиций державы „оси“ думают не о том, как им выиграть войну, а о том, как скорее окончить войну, которая уже выиграна».

¹ Nazi-Soviet Relations, 1939–1941 published by the State Department of the United States, 1948. P. 218 ff.

После завтрака советский посол был принят фюрером, который развивал далее вопрос о полном поражении Англии.

«Война, – сказал он, – вызвала осложнения, которых не хотела Германия, но которые вынуждают ее время от времени реагировать военным образом на некоторые события».

Затем фюрер обрисовал Молотову ход военных операций до нынешнего момента, который привел к тому, что Англия больше не имеет союзника на континенте... Английские ответные меры смехотворны, и русские могут сами убедиться, основательны ли рассказы о мнимых разрушениях в Берлине. Как только улучшатся атмосферные условия, Германия будет готова нанести гигантский и окончательный удар Англии. И в данный момент цель Германии – стараться не только проводить военную подготовку к этой окончательной борьбе, но также сделать ясными политические проблемы, которые будут иметь большое значение во время и после этой схватки. Поэтому он пересмотрел отношения с Россией и не в отрицательном духе, а с целью организовать их позитивно и, если возможно, на длительный период времени. Таким образом, он пришел к нескольким выводам:

1. Германия не стремится получить военную помощь от России.

2. Ввиду колоссального размаха войны Германия вынуждена для оказания противодействия Англии проникнуть на отдаленные территории, которые не представляют для Германии серьезного политического или экономического интереса.

3. Однако существуют определенные потребности, все значение которых стало очевидно только во время войны, но которые жизненно важны для Германии. К их числу относятся некоторые источники сырья, которые Германия считает абсолютно необходимыми.

На все это Молотов дал уклончивый ответ.

«Молотов спросил о тройственном пакте [подписанном между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 года]. Каков смысл нового порядка в Европе и в Азии и какая роль будет отведена в нем СССР? Эти проблемы должны быть обсуждены во время берлинских переговоров и во время предполагаемого визита рейхсминистра иностранных дел в Москву, на который русские определенно рассчитывают. Кроме того, требуют разъяснения вопросы о балканских и черноморских интересах России – о Болгарии, Румынии и Турции. Русскому правительству было бы легче конкретно ответить на вопросы, поставленные фюрером, если бы оно получило объяснения по вышеуказанным пунктам. Советскому Союзу интересно знать о новом порядке в Европе и, в частности, о темпе создания и форме этого нового порядка. Он также хотел бы иметь представление о границах так называемой „сферы Великой Восточной Азии“».

Фюрер ответил, что цель тройственного пакта – урегулировать условия в Европе в зависимости от естественных интересов европейских стран и в связи с этим Германия сейчас обращается к Советскому Союзу, чтобы он мог высказаться относительно интересующих его районов. Никакое решение ни в коем случае не будет принято без сотрудничества с Советской Россией. Это относится не только к Европе, но и к Азии, где сама Россия будет содействовать определению «сферы Великой Восточной Азии», в отношении которой она также должна будет изложить свои претензии. Задача Германии в данном случае – выступать в качестве посредника. Россию отнюдь не собираются поставить перед свершившимся фактом.

Когда фюрер занялся созданием вышеуказанной коалиции держав, то самым трудным моментом ему представлялись не германо-русские взаимоотношения, а вопрос о возможности сотрудничества между Германией, Францией и Италией. Только теперь... он считал возможным обратиться к Советской России с целью разрешения вопросов о Черном море, Балканах и Турции.

Председатель СНК СССР и Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов на переговорах с А. Гитлером в Имперской канцелярии

В заключение фюрер заявил, что данное обсуждение в известной мере представляет собой первый конкретный шаг к широкому сотрудничеству с должным учетом проблем Западной Европы, которые должны решаться между Германией, Италией и Францией, а также проблем Востока, которые в первую очередь интересуют Россию и Японию, но в решениях которых Германия предлагает свои услуги в качестве посредника. Речь идет о сопротивлении всяким попыткам со стороны Америки «делать деньги за счет Европы». Соединенным Штатам нечего делать в Европе, Африке или Азии.

Молотов выразил свое согласие с заявлением фюрера о роли Америки и Англии. Участие России в тройственном пакте представлялось ему вполне приемлемым в принципе при условии, что Россия будет сотрудничать в качестве партнера, а не только лишь в качестве объекта. В таком случае он не видел никаких препятствий к участию Советского Союза в общих усилиях. Но прежде всего нужно четко определить цель и значение этого пакта, в частности, определить границы «сферы Великой Восточной Азии».

Когда 15 ноября переговоры возобновились, «Молотов затронул вопрос о полосе литовской территории и подчеркнул, что Советское правительство еще не получило ясного ответа от Германии на этот вопрос. А оно ожидает ответа. Что касается Буковины, то он признал, что это связано с дополнительной территорией, о которой не упоминалось в секретном протоколе. Россия сначала ограничивала свои требования Северной Буковиной. Однако при существующих обстоятельствах Германия должна понять, что Россия заинтересована и в Южной Буковине. Но Россия не получила ответа на свой вопрос и на эту тему. Вместо этого Германия, гарантируя целостность территории Румынии, совершенно игнорировала пожелания России относительно Южной Буковины.

Фюрер ответил, что оккупация хотя бы части Буковины Россией означала бы серьезную уступку со стороны Германии...

Однако Молотов продолжал настаивать на ранее высказанном мнении, что пересмотр, какого желает Россия, весьма незначителен.

Фюрер ответил, что для того, чтобы германо-русское сотрудничество дало положительные результаты в будущем, Советскому правительству нужно понять, что Германия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть, которую при всех обстоятельствах она хочет закончить успешно... Обе стороны в принципе согласились, что Финляндия входит в русскую сферу влияния. Поэтому вместо того, чтобы продолжать чисто теоретические рассуждения, им следует обратиться к более важным проблемам.

После завоевания Англии Британская империя, представляющая собой гигантское, раскинувшееся по всему миру обанкротившейся поместье площадью 40 млн квадратных километров, будет разделена. В этом обанкротившемся поместье Россия получит выход к свободному от льда и действительно открытому океану. До сих пор меньшинство в 45 млн англичан управляло 600 млн жителей Британской империи. Он скоро сокрушит это меньшинство. Даже Соединенные Штаты фактически делают не что иное, как отхватывают от этого обанкротившегося поместья отдельные куски, особенно приглянувшиеся им. Германия, конечно, хотела бы избежать всякого конфликта, который отвлечет ее от борьбы против центра этой империи – Британских островов. По этой причине он (фюрер) недоволен войной Италии против Греции, поскольку она отвлекала силы к периферии, вместо того чтобы концентрировать их в одном месте против Англии. То же самое произошло бы в случае войны на Балтике. Война с Англией будет вестись до последнего, и у него нет ни малейшего сомнения в том, что поражение Британских островов приведет к развалу империи. Было бы беспочвенно полагать, что империя может управляться и сдерживаться из Канады. При таких обстоятельствах возникают широкие всемирные перспективы. На протяжении следующих нескольких недель их нужно урегулировать в совместных дипломатических переговорах с Россией и нужно договориться об участии России в решении этих проблем. Все страны, заинтересованные в этом обанкротившемся поместье, должны будут прекратить все споры между собой и заняться исключительно разделом Британской империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии.

Молотов ответил, что он с интересом выслушал доводы фюрера и что он согласен со всем, что он понял».

Затем Гитлер отправился спать. После ужина в советском посольстве начался английский воздушный налет на Берлин. Нам заранее стало известно об этом совещании, и, хотя нас и не пригласили принять в нем участие, мы все же не хотели оставаться в стороне. При звуках воздушной тревоги все отправились в убежище, где в более безопасной обстановке два министра иностранных дел продолжали до полуночи свои переговоры. В германском официальном отчете говорится:

«В связи с воздушным налетом два министра в 9 ч 40 мин вечера направились в бомбоубежище рейхсминистра иностранных дел, чтобы вести там окончательные переговоры...»

Еще не настало время, сказал Риббентроп, обсуждать новый порядок вещей в Польше. Балканская проблема уже подверглась широкому обсуждению. На Балканах мы имеем только экономические интересы, и мы не хотим, чтобы Англия мешала нам там. Гарантия, которую Германия дала Румынии, видимо, была неправильно понята Москвой... Во всех своих решениях германское правительство руководствовалось исключительно стремлением сохранить мир на Балканах и помешать Англии создать там плацдарм и воспрепятствовать снабжению Германии. Таким образом, германские действия на Балканах мотивировались исключительно обстоятельствами нашей войны против Англии. Как только Англия признает свое поражение и запросит мира, германские интересы на Балканах будут ограничиваться исключительно экономической областью, а германские войска будут выведены из Румынии. Как фюрер неоднократно заявлял, Германия не имеет территориальных интересов на Балканах. Он лишь может вновь и вновь повторить, что решающий вопрос состоит в том, готов ли Советский Союз и намерен ли он сотрудничать с нами в великой ликвидации Британской империи. По всем другим вопросам мы могли бы легко достигнуть взаимопонимания, если бы нам удалось

развить наши отношения и определить сферы влияния. Каковы именно эти сферы влияния, неоднократно указывалось. Поэтому, как ясно заявил фюрер, интересы Советского Союза и Германии требуют, чтобы партнеры не противостояли друг другу, а стояли бок о бок для того, чтобы помогать друг другу в осуществлении своих чаяний.

В своем ответе Молотов заявил, что немцы считают, что война против Англии фактически уже выиграна. Поэтому если, как уже говорилось в другой связи, Германия ведет борьбу против Англии не на жизнь, а на смерть, то он может понять таким образом, что Германия ведет войну „на жизнь“, а Англия – „на смерть“. Что же касается вопроса о сотрудничестве, то он вполне одобряет его, но нужно прийти, добавил Молотов, к полному взаимопониманию. Эта мысль была также выражена в письме Сталина. Следует также определить сферы влияния. Однако по этому вопросу он (Молотов) не может занять определенной позиции в настоящее время, поскольку он не знает мнения на этот счет Сталина и других своих друзей в Москве. Но он должен заявить, что эти великие проблемы завтрашнего дня не могут быть отделены от проблемы сегодняшнего дня и от выполнения существующих соглашений...

После этого Молотов сердечно попрощался с министром иностранных дел, подчеркнув, что он не сожалеет о воздушном налете, ибо благодаря ему он имел такой исчерпывающий разговор с рейхсминистром иностранных дел».

Когда в августе 1942 года я впервые посетил Москву, я услышал от Сталина более краткий отчет об этих переговорах, который в основных чертах не отличался от германского отчета, но, пожалуй, был более красочным.

«Некоторое время назад, – сказал Сталин, – Молотова обвиняли в том, что он настроен слишком прогермански. Теперь все говорят, что он настроен слишком проанглийски. Но никто из нас никогда не доверял немцам. Для нас с ними всегда был связан вопрос о жизни или смерти». Я заметил, что мы сами это пережили и поэтому понимаем, что они чувствуют. «Когда Молотов, – сказал маршал, – отправился в Берлин повидаться с Риббентропом в ноябре 1940 года, вы пронюхали об этом и устроили воздушный налет». Я кивнул. «Когда раздались звуки воздушной тревоги, Риббентроп повел его по длинным лестницам в глубокое, пышно обставленное бомбоубежище. Когда они спустились, уже начался налет. Риббентроп закрыл дверь и сказал Молотову: „Ну вот мы и одни здесь. Почему бы нам сейчас не заняться дележом?“ Молотов спросил: „А что скажет Англия?“ „С Англией покончено, – сказал Риббентроп. – Она больше не является великой державой“. „А в таком случае, – сказал Молотов, – зачем мы сидим в этом убежище и чьи это бомбы падают?“»

Берлинские переговоры ничуть не изменили твердую решимость Гитлера. В течение октября Кейтель, Йодль и германский генеральный штаб по его приказу готовили планы движения германских армий на Восток и вторжения в Россию в начале лета 1941 года. На данной стадии не было необходимости назначать точную дату, которая могла также зависеть от погоды. Учитывая расстояния, которые пришлось бы покрыть после перехода границы, и необходимость занять Москву до наступления зимы, было ясно, что самым удобным сроком явилось бы начало мая. Кроме того, сосредоточение и развертывание германской армии на фронте от Балтики до Черного моря протяжением в 2 тыс. миль, создание складов, лагерей и строительство железнодорожных путей сами по себе представляли крупнейшую военную задачу из всех когда-либо предпринимавшихся, и нельзя было допускать никакой задержки ни в планировании, ни в осуществлении намеченных мероприятий. Все это осложнялось еще необходимостью действовать скрытно и незаметно.

С этой целью Гитлер прибег к двум различным способам отвлечения внимания, каждый из которых имел свои преимущества. Первый представлял собой тщательно разработанные переговоры об общей политике, основанной на разделе Британской империи на Востоке, а второй заключался в установлении господства в Румынии, Болгарии и Греции, а также попутно в Венгрии посредством отправки туда большого количества войск. Это давало важные военные

преимущества и в то же время маскировало или давало объяснение сосредоточению германских армий на южном фланге фронта, который создавался против России.

Переговоры приняли форму проекта предложений Германии о присоединении Советской России к пакту трех держав за счет английских интересов на Востоке. И если бы Сталин принял этот план, то события, возможно, на время приняли бы иной оборот. Гитлер мог в любой момент отложить свои планы вторжения в Россию. Трудно себе даже представить, что произошло бы в результате вооруженного союза между двумя великими континентальными империями, обладающими миллионами солдат, с целью раздела добычи на Балканах, в Турции, Персии и на Среднем Востоке, имея в запасе Индию, а Японию – ярого участника «сферы Великой Восточной Азии» – своим партнером. Но Гитлер всей душой стремился уничтожить большевиков, которых он смертельно ненавидел. Он полагал, что у него достаточно сил для достижения своей жизненной цели. А далее к этому все приложится. Из переговоров в Берлине и других источников он, видимо, знал, что предложения, которые Риббентроп направил в Москву, далеко не удовлетворяли притязания русских.

Среди захваченной переписки германского министерства иностранных дел с германским посольством в Москве был найден проект пакта четырех держав, на котором не значилось никакой даты. Это, по-видимому, составляло основу переговоров Шуленбурга с Молотовым, о которых сообщалось 26 ноября 1940 года. В силу этого проекта Германия, Италия и Япония соглашались уважать естественные сферы влияния друг друга. Поскольку эти сферы интересов соприкасались друг с другом, они обязались постоянно консультироваться дружественным путем относительно возникающих в связи с этим проблем.

Германия, Италия и Япония заявляли со своей стороны, что они признают существующие ныне пределы владения Советского Союза и будут уважать их.

Четыре державы обязывались не присоединяться ни к какой комбинации держав и не поддерживать никакую комбинацию держав, которая была бы направлена против одной из четырех держав. Они обязывались всячески помогать друг другу в экономических вопросах и дополнять и расширять существующие между ними соглашения. Это соглашение должно было действовать в течение десяти лет.

К соглашению должен был быть приложен секретный протокол, содержащий заявление Германии о том, что, помимо территориального пересмотра в Европе, который предстояло провести после заключения мира, ее территориальные притязания концентрируются вокруг территории Центральной Африки; заявление Италии, что, помимо территориального пересмотра в Европе, ее территориальные притязания концентрируются вокруг территории Северной и Северо-Восточной Африки; заявление Японии, что ее территориальные притязания концентрируются в районе Восточной Азии к югу от Японских островов, и заявление Советского Союза о том, что его территориальные притязания концентрируются к югу от национальной территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Четыре державы заявили, что, откладывая решение конкретных вопросов, они будут взаимно уважать территориальные притязания друг друга и не будут противиться их осуществлению².

Как и ожидалось, Советское правительство отклонило германский проект. Советский Союз был один на один с Германией в Европе, а на другом конце мира над ним нависла Япония. Тем не менее Советское правительство верило в свою растущую мощь и в свою обширную

² Следует отметить, что, хотя в Берлине Гитлер и Риббентроп говорили главным образом о разделе британской территории, в проекте соглашения вовсе не упоминается о Британской империи, в то время как в число районов, которые распределялись в секретном протоколе, явно входили колониальные владения Франции, Голландии и Бельгии. И в Берлине, и во время переговоров в Москве Британская империя, являвшаяся самой замечательной и ценной военной добычей, была не единственной намеченной жертвой Гитлера. Он стремился к еще более широкому перераспределению колониальных владений в Африке и Азии, принадлежавших всем тем странам, с которыми он в то время или ранее находился в состоянии войны.

территорию, составлявшую одну шестую часть всей суши земного шара. Поэтому оно упорно торговалось. 26 ноября 1940 года Шуленбург направил в Берлин проект русских контрпредложений. Эти предложения предусматривали, что германские войска должны быть немедленно выведены из Финляндии, которая на основании договора от 1939 года принадлежала сфере влияния Советского Союза; что в течение ближайших нескольких месяцев безопасность Советского Союза в Проливах должна быть гарантирована заключением пакта о взаимной помощи между Советским Союзом и Болгарией, которая географически расположена внутри зоны безопасности черноморских границ Советского Союза, а также путем создания базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на основании долгосрочной аренды; что район к югу от Батуми и Баку в общем направлении Персидского залива должен быть признан центром притязаний Советского Союза; что Япония должна отказаться от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

На этот документ не было получено никакого определенного ответа. Гитлер не пытался пойти на компромисс. Такие серьезные вопросы давали основание для длительного и тщательного изучения в дружественном духе обеими сторонами. Советский Союз, конечно, надеялся и ожидал ответа. Тем временем по обе стороны границы и без того крупные силы начали возрастать, а правая рука Гитлера потянулась к Балканам.

Планы, которые готовили Кейтель и Йодль по поручению фюрера, сейчас уже достаточно созрели и дали ему возможность опубликовать 18 декабря 1940 года свою историческую директиву № 21. <...>

С этого момента началась подготовка к великим событиям 1941 года. Мы, конечно, ничего не знали о сделках между Германией и Россией в целях раздела нашей империи и в целях нашего уничтожения; не могли мы также оценить еще не определившиеся намерения Японии. Основные передвижения германских армий на Восток еще не стали очевидными для нашей активной разведки. Можно было только установить проникновение и постепенное сосредоточение немцев в Болгарии и Румынии. Если бы мы знали то, что изложено в этой главе, мы почувствовали бы большое облегчение. Направленной против нас коалиции Германии, России и Японии – вот чего мы опасались больше всего. Но кто мог сказать, как повернутся события? А тем временем мы продолжали сражаться. <...>

По мере приближения конца года все отчетливее вырисовывались как светлые, так и мрачные стороны положения. Мы уцелели. Мы отразили германскую авиацию. Вторжения на остров не произошло. Армия внутри страны сейчас была очень сильной. Лондон победоносно выдержал все испытания. Все связанное с нашим господством в воздухе над островом сейчас быстро совершенствовалось. Коммунисты, по указке Москвы, клеветали и кричали о капиталистической, империалистической войне. Но наши заводы неутомимо работали, и вся английская нация трудилась день и ночь, испытывая чувство облегчения и гордости. В Ливийской пустыне была одержана победа, а по ту сторону Атлантического океана великая республика все ближе подходила к выполнению своего долга и все в большей степени шла нам на помощь.

В это время я получил весьма приятное письмо от короля.

Сандрингэм

2 января 1941 г.

«Мой дорогой премьер-министр!»

Я должен послать вам свои лучшие пожелания более счастливого Нового года. Да будет суждено нам в наступающем году узреть конец этого конфликта. Я уже чувствую себя лучше благодаря моему пребыванию здесь. Это мне помогло; перемена обстановки и занятия на воздухе служат хорошим тонизирующим средством. Но я считаю, что не могу быть вдали от тех мест, куда призывает меня мой долг, в то время как все выполняют свой. Однако я должен

смотреть на пребывание здесь как на прием лекарства. Надеюсь возвратиться, освежив свой ум и тело, и с новыми силами начать борьбу против врага.

Я надеюсь, что вам удалось немного передохнуть на рождество от вашей напряженной работы. Я так восхищаюсь всем, что вы сделали за последние семь месяцев в качестве моего премьер-министра, и я получал столь большое удовольствие от наших бесед во время еженедельных завтраков. Я надеюсь, что они будут продолжаться по моему возвращении, и с удовольствием ожидаю их.

Горящее здание английского города Шеффилд после налета немецкой авиации

Я надеюсь в следующий понедельник посетить Шеффилд³. Я могу совершить эту поездку отсюда за один день...

С добрыми пожеланиями, остаюсь искренне ваш
Георг, король и император».

Я выразил свою искреннюю благодарность.

5 января 1941 г.

«Сир!

Любезное письмо Вашего Величества было большой честью для меня. Доброта, с которой Ваше Величество и королева относились ко мне с тех пор, как я стал морским министром, и особенно с тех пор, как я стал премьер-министром, служила для меня постоянным источником силы и вдохновения во всех превратностях ожесточенной борьбы за жизнь. Я уже служил отцу и деду Вашего Величества в течение многих лет в качестве министра короны, а мой отец

³ Шеффилд сильно пострадал от бомбардировок.

и дед служили королеве Викторин, но ваше отношение ко мне было настолько теплым и великодушным, какое я никогда не считал возможным.

Да, сир, мы пережили такие тяжелые и важные дни и недели, каких не было за всю историю английской монархии, и даже сейчас нам предстоит еще длинный и опасный путь. Меня очень ободряли наши еженедельные завтраки в бедном, старом, поврежденном бомбами Букингемском дворце и сознание того, что в Вашем Величестве и в королеве горит дух, который никогда не будет погашен опасностью и не исчерпается неутомимым трудом. Эта война сплотила трон и народ, как никогда ранее, и Ваше Величество пользуется любовью людей всех классов и положений, какой не пользовался ни один король в прошлом. Я неизмеримо горд, что мне на долю выпала честь стоять рядом с Вашим Величеством в качестве первого министра в такой критический период истории Англии, и я с глубокой надеждой и уверенностью в будущем остаюсь в „День Бардии“, когда отважные австралийцы забрали в плен еще 20 тыс. итальянцев, верным и преданным слугой и подданным Вашего Величества

Уинстон С. Черчилль».

Я уверен, что мы можем считать этот грозный год самым славным, хотя он и был самым тяжелым годом в длительной истории Англии и Британской империи. Это великая, немного нелепо организованная Англия уничтожила испанскую армаду. Пламенное убеждение и решимость помогли нам одержать верх в 25-летней войне против Людовика XIV, которую вели Вильгельм III и Мальборо. Затем был славный период Чэтэма. Была длительная борьба против Наполеона, когда нас спасло господство английского флота на морях под замечательным руководством Нельсона и его сподвижников. Миллион англичан погибли в Первой мировой войне. Но ничто не может сравниться с 1940 годом. К концу этого года наш небольшой древний остров вместе с преданным ему Содружеством наций, доминионами и тесными связями повсюду оказался способным вынести всю тяжесть и удары судьбы мира. Мы не дрогнули. Мы не пали. Душа английского народа и расы оказалась непобедимой. Цитадель Содружества наций и империи оказалась неприступной. В одиночестве, но при поддержке всего самого великодушного, что есть в человечестве, мы дали отпор тирану на вершине его триумфа.

Все наши скрытые внутренние силы сейчас пришли в движение. Воздушная угроза была отражена. Остров оказался неприступным, недосыгаемым. Отныне мы также будем иметь оружие, чтобы сражаться. Отныне мы также будем обладать высокоорганизованной военной машиной. Мы доказали миру, что можем постоять за себя. Были две стороны проблемы гитлеровского мирового господства. Англия, которую уже столь многие сбросили со счетов, все еще стояла на ногах, стала гораздо сильнее, чем когда бы то ни было, и с каждым днем набирала новые силы. Время снова работало на нас. И не только на одну нашу нацию. Соединенные Штаты быстро вооружались и приближались к конфликту. Советская Россия, которая жестоко обманулась, считая нас никчемными в начале войны, и купила у Германии мимолетную безопасность и долю в добыче, также стала значительно сильнее и обеспечила себе выдвинутые вперед позиции для обороны страны. Япония в то время, казалось, была подавлена очевидной перспективой длительной мировой войны и с беспокойством следила за Россией и Соединенными Штатами, размышляя о том, что для нее было бы мудро и выгодно предпринять.

И теперь та самая Англия со своей раскинувшейся по всему миру ассоциацией государств и зависимых от нее территорий, которая, казалось, была на грани крушения, которую враг, казалось, был готов поразить в самое сердце, эта Англия в течение 15 месяцев сконцентрировала все свои силы на военной проблеме, готовила своих людей и посвятила все свои разносторонние способности борьбе. С чувством удивления и облегчения малые нейтральные страны и покоренные государства видели, что звезды все еще блещут на небе. В сердцах сотен миллионов людей вновь зажглась надежда, а с ней и воля. Правое дело восторжествует. Правда не

будет попорана. Знамя свободы, которым в этот роковой час был наш английский флаг, все еще будет реять на ветру.

Но у меня и моих высокопоставленных коллег, которые размышляли над точной информацией, не было недостатка в заботах. Нас мучила угроза подводной блокады. Все наши планы зависели от того, как мы отразим эту опасность. Битва за Францию была проиграна. Битва за Англию была выиграна. Теперь предстояло вести битву за Атлантику. <...>

1941. Советы и Немезида

Немезида олицетворяет собой «богиню Возмездия, которая разрушает всякое неумеренное счастье, обуздывает сопутствующую ему самонадеянность... и карает особо тяжкие преступления»⁴. Сейчас нам предстоит вскрыть ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов Советского правительства и колоссальной коммунистической машины и их поразительное незнание собственного положения. Они проявили полное безразличие к участи западных держав, хотя это означало уничтожение того самого «второго фронта», открытия которого им суждено было вскоре требовать. Они, казалось, и не подозревали, что Гитлер уже более шести месяцев назад принял решение уничтожить их. Если же их разведка поставила их в известность о переброске на Восток огромных германских сил, усиливавшейся с каждым днем, то они упустили многие необходимые шаги, которые следовало предпринять при этих обстоятельствах. Так, они дали Германии захватить все Балканы. Они ненавидели и презирали западные демократии; но в январе Советское правительство еще могло при активной помощи Англии объединить четыре страны – Турцию, Румынию, Болгарию и Югославию, имевшие жизненное значение для него самого и его безопасности, и создать балканский фронт против Гитлера. Советский Союз ничего не сделал, чтобы помешать разброду между ними, и в результате все эти страны, кроме Турции, были поглощены одна за другой. Война – это по преимуществу список ошибок, но история вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда они отбросили все возможности на Балканах и лениво выжидали надвигавшегося на Россию страшного нападения или были не способны понять, что их ждет. До тех пор мы считали их расчетливыми эгоистами. В этот период они оказались к тому же простаками. Сила, масса, мужество и выносливость матушки-России еще должны были быть обращены на весы. Но если брать за критерий стратегию, политику, прозорливость и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент Второй мировой войны совершенно недалекими.

Гитлеровская директива от 18 декабря 1940 года относительно операции «Барбаросса» излагала общую дислокацию и первоочередные задачи сил, которые надлежало сосредоточить против России. В это время силы Германии на Восточном фронте составляли в общей сложности 34 дивизии. Более чем трехкратное увеличение этой цифры требовало огромной подготовительной, работы и планирования, на которые целиком ушли первые месяцы 1941 года. В январе и феврале балканская авантюра, в которую фюрер позволил втянуть себя, заставила перебросить с Востока на Юг пять дивизий, в том числе три танковые. В мае германские силы на Востоке возросли до 87 дивизий, а на Балканах было занято не менее 25 германских дивизий. Учитывая размах и рискованность вторжения в Россию, было неблагоразумно нарушать концентрацию сил на Востоке столь серьезной отвлекающей операцией. Сейчас мы увидим, как наше сопротивление на Балканах и особенно революция в Югославии отодвинули на пять недель эту важнейшую операцию. Никто не может точно сказать, какое влияние это оказало на ход русско-германской кампании до наступления зимы. Есть основания думать, что это спасло Москву. В течение мая и в начале июня многие наиболее подготовленные германские дивизии и все танки были переброшены с Балкан на Восточный фронт, и, когда пришел момент нападения, немцы атаковали силами 120 дивизий, в числе которых было 17 танковых и 12 моторизованных. В их Южную группу армий было также включено 6 румынских дивизий. В резерве главного командования было уже сосредоточено или сосредоточивалось еще 26 дивизий. Таким образом, к началу июня германское верховное командование могло рассчитывать

⁴ Оксфордский словарь английского языка.

по меньшей мере на 150 дивизий, поддержанных главной ударной силой их авиации, насчитывавшей около 2700 самолетов.

До конца марта я не был убежден, что Гитлер решился на смертельную войну с Россией, и не знал, насколько она близка. Донесения нашей разведки очень подробно показывали усиленные переброски германских войск к Балканским государствам и на их территорию, которыми ознаменовались первые три месяца 1941 года. В этих псевдонеutralных государствах наши агенты могли передвигаться довольно свободно и были в состоянии сообщать нам точные сведения о крупных германских силах, двигавшихся по железным и шоссейным дорогам на юго-восток. Однако ни одно из таких передвижений не означало обязательно вторжения в Россию, и все они легко могли быть объяснены германскими интересами и политикой в Румынии и Болгарии, замыслами Германии в отношении Греции и ее соглашениями с Югославией и Венгрией. Гораздо труднее было получить сведения о колоссальной переброске сил через Германию на главный русский фронт, простиравшийся от Румынии до Балтики. Чтобы Германия на этом этапе, даже не очистив Балканы, начала новую большую войну с Россией – это, казалось мне, слишком хорошо, чтобы быть истиной.

Мы не знали содержания переговоров, происходивших в ноябре 1940 года между Молотовым, Гитлером и Риббентропом в Берлине, а равно и содержания переговоров и предполагаемых пактов, которые последовали за ними. Не было никаких признаков уменьшения германских сил, расположенных против нас на другом берегу Ла-Манша. Германская авиация продолжала совершать сильные налеты на Англию. То, как Советское правительство истолковало концентрацию германских войск в Румынии и Болгарии, явно примирившись с ней, сведения, которыми мы располагали относительно отправки в Германию из России больших и ценных грузов, очевидная общая заинтересованность обеих стран в завоевании и разделе Британской империи на Востоке – все это делало более вероятным, что Гитлер и Сталин скорее заключат сделку за наш счет, чем будут воевать друг с другом. Теперь мы знаем, что такая сделка была в известной степени целью Сталина.

Наше объединенное разведывательное управление разделяло это мнение. 7 апреля оно заявило, что в Европе распространяются слухи о намерении немцев напасть на Россию. Хотя Германия, указывало управление, располагает на Востоке значительными силами и можно ожидать, что рано или поздно она будет воевать с Россией, тем не менее представляется невероятным, чтобы она решила открыть сейчас еще один большой фронт. По мнению объединенного разведывательного управления, ее главной целью в 1941 году оставался разгром Соединенного Королевства. Еще 23 мая это управление, в которое входили представители всех трех родов вооруженных сил, сообщало, что слухи о предстоящем нападении на Россию утихли и имеются сведения, что эти страны намерены заключить новое соглашение. Управление считало это вероятным, поскольку нужды затяжной войны требовали укрепления германской экономики. Германия могла получить от России необходимую помощь либо силой, либо в результате соглашения. Управление считало, что Германия предпочтет последнее, хотя, чтобы облегчить достижение этого, будет пущена в ход угроза применения силы. Сейчас эта сила накапливалась. Имелось множество данных о строительстве на оккупированной немцами территории Польши шоссейных дорог и железнодорожных веток, о подготовке аэродромов и усиленной концентрации войск, включая войска и авиационные части с Балкан.

Наши начальники штабов были проницательнее своих советников и имели более определенное мнение. «У нас имеются ясные указания, – предупреждали они 31 мая командование на Среднем Востоке, – что немцы сосредоточивают сейчас против России большую армию и военно-воздушные силы. Используя их в качестве угрозы, они, вероятно, потребуют уступок, могущих оказаться весьма опасными для нас. Если русские откажут, немцы выступят».

Только 5 июня объединенное разведывательное управление сообщило, что, судя по масштабам германских военных приготовлений в Восточной Европе, на карту поставлен, видимо,

более важный вопрос, чем экономическое соглашение. Возможно, что Германия желает устранить со своей восточной границы потенциальную угрозу становящихся все более мощными советских сил. Управление не считало пока возможным сказать, будет ли результатом этого война или соглашение. 10 июня оно заявило: «Во второй половине июня мы станем свидетелями либо войны, либо соглашения». И наконец, 12 июня оно сообщило: «Сейчас имеются новые данные, свидетельствующие о том, что Гитлер решил покончить с помехами, чинимыми Советами, и напасть».

Я не довольствовался этой формой коллективной мудрости и предпочитал лично видеть оригиналы. Поэтому еще летом 1940 года я поручил майору Десмонду Мортону делать ежедневно подборку наиболее интересных сообщений, которые я всегда читал, составляя таким образом, иногда значительно раньше других, собственное мнение⁵.

Так, в конце марта 1941 года я с чувством облегчения и волнения прочитал сообщение, полученное от одного из наших самых надежных осведомителей, о переброске германских танковых сил по железной дороге из Бухареста в Краков и обратно. В этом сообщении говорилось, во-первых, что, как только югославские министры подчинились диктату в Вене (это произошло 18 марта), три из пяти танковых дивизий, которые двигались через Румынию на юг, к Греции и Югославии, были посланы на север, к Кракову, и, во-вторых, что вся эта переброска была отменена после революции в Белграде и три танковые дивизии были отправлены обратно в Румынию. Эту отправку и возвращение назад около 60 составов нельзя было скрыть от наших местных агентов.

Для меня это было вспышкой молнии, осветившей все положение на Востоке. Внезапная переброска к Кракову столь больших танковых сил, нужных в районе Балкан, могла означать лишь намерение Гитлера вторгнуться в мае в Россию. Отныне это казалось мне его несомненной основной целью. Тот факт, что революция в Белграде потребовала их возвращения в Румынию, мог означать, что сроки будут передвинуты с мая на июнь. Я немедленно сообщил эти важные известия Идену в Афины.

Премьер-министр – Идену, Афины

30 марта 1941 г.

«Я узнал из донесений разведки, что негодяй сосредоточил очень большие танковые и другие силы, чтобы запугать Югославию и Грецию, и надеется прибрать к рукам первую из них, а быть может, и обе, не прибегая к военным действиям. Как только он уверился, что Югославия уже в руках держав „оси“, он перебросил три из пяти танковых дивизий к Медведю, считая, что оставшегося будет достаточно, чтобы завершить греческую операцию. Однако белградская революция нарушила этот план и заставила остановить на полпути переброску войск на север.

По-моему, это может означать лишь намерение напасть как можно скорее на Югославию или же предпринять действия против турок. Похоже, что на Балканском полуострове будут использованы крупные силы и что Медведю придется немного подождать. Далее, все эти приказы и контрприказы в их связи с белградским переворотом свидетельствуют, по-видимому, об огромных масштабах замыслов в отношении как Юго-востока, так и Востока.

Это самое ясное указание из всех, какими мы располагали до сих пор. Дайте мне знать в осторожных выражениях, разделяете ли вы и Дилл мое впечатление».

Я также изыскивал средства предостеречь Сталина, с тем чтобы, обратив его внимание на угрожающую ему опасность, установить с ним связи наподобие тех, которые я поддерживал

⁵ *Премьер-министр – генералу Исмею 5 августа 1940 г.:* «Я не хочу, чтобы получаемые сообщения отбирались и обрабатывались различными сотрудниками разведки. Майор Мортон будет пока это делать для меня и представлять на мое рассмотрение то, что он считает особенно важным. Он должен получить доступ ко всей информации и представлять мне подлинные документы в их первоначальном виде».

с президентом Рузвельтом. Я написал краткое и загадочное письмо, надеясь, что сам этот факт и то, что это было первое письмо, которое я посылал ему после моей официальной телеграммы от 25 июня 1940 года, рекомендовавшей сэра Стаффорда Криппса как посла, привлекут его внимание и заставят призадуматься.

Премьер-министр – сэру Стаффорду Криппсу

3 апреля 1941 г.

«Передайте от меня Сталину следующее письмо *при условии, что оно может быть вручено лично вами.*

Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этих фактов».

Министр иностранных дел, вернувшийся к этому времени из Каира, добавил несколько замечаний:

«1. Если оказанный вам прием даст вам возможность развить доводы, вы можете указать, что это изменение в дислокации германских войск говорит, несомненно, о том, что Гитлер из-за выступления Югославии отложил теперь свои прежние планы создания угрозы Советскому правительству. Если это так, то Советское правительство сможет воспользоваться этим, чтобы укрепить свое собственное положение. Эта отсрочка показывает, что силы противника не являются неограниченными, а иллюстрирует преимущества, которые даст создание чего-либо похожего на единый фронт.

2. Совершенно очевидно, что Советское правительство может укрепить свое положение, оказав материальную помощь Турции и Греции и через последнюю – Югославии. Эта помощь могла бы настолько увеличить трудности немцев на Балканах, что им пришлось бы еще отложить свое нападение на Советский Союз, о подготовке которого свидетельствует столь много признаков. Если, однако, сейчас не будут использованы все возможности вставлять немцам палки в колеса, то через несколько месяцев опасность может возродиться.

3. Вы, конечно, не станете намекать, что мы сами просим у Советского правительства какой-то помощи или что оно будет действовать в чьих-либо интересах, кроме своих собственных. Но мы хотим, чтобы оно поняло, что Гитлер намерен рано или поздно напасть на Советский Союз, если сможет; что одного его конфликта с нами еще недостаточно, чтобы помешать ему это сделать, если он не окажется одновременно перед особыми трудностями, вроде тех, с которыми он сталкивается сейчас на Балканах, и что поэтому в интересах Советского Союза предпринять все возможные шаги, дабы помешать ему разрешить балканскую проблему так, как ему этого хочется».

Английский посол ответил лишь 12 апреля. Он сообщил, что перед самым получением моей телеграммы он сам направил Вышинскому пространное личное письмо, в котором перечислялся ряд случаев, когда Советское правительство не противодействовало посягательствам немцев на Балканах. В письме содержался также настойчивый призыв, чтобы СССР в своих собственных интересах решился немедленно проводить энергичную политику сотрудничества со странами, все еще сопротивляющимися державам «оси» в этом районе, если только он не хочет упустить последний шанс защитить свои собственные границы в союзе с другими.

«Если бы теперь, – писал он, – я передал через Молотова послание премьер-министра, выражающее ту же мысль в гораздо более краткой и менее энергичной форме, то я опасаясь, что единственным результатом было бы ослабление впечатления, уже произведенного моим письмом на Вышинского. Советское правительство, я уверен, не поняло бы, зачем понадобилось вручать столь официально такой краткий и отрывочный комментарий по поводу фактов,

о которых оно, несомненно, уже осведомлено, и притом без какой-либо определенной просьбы объяснить позицию Советского правительства или предложений насчет действий с его стороны.

Я считал необходимым изложить вам эти соображения, ибо я сильно опасаюсь, что вручение послания премьер-министра не только ничего не дало бы, но и явилось бы серьезной тактической ошибкой. Если, однако, вы не разделяете этой точки зрения, я, конечно, постараюсь в срочном порядке добиться свидания с Молотовым».

По этому поводу министр иностранных дел написал мне:

«В этой новой ситуации доводы сэра Стаффорда Криппса против вручения вашего послания приобретают, мне думается, известную силу. Если вы согласитесь, я предложил бы сообщить ему, что ему незачем вручать сейчас послание, но, если Вышинский благожелательно отнесется к его письму, он должен изложить ему факты, содержащиеся в вашем послании. Пока же я попрошу его как можно скорее передать нам по телеграфу содержание письма, которое он послал Вышинскому, и переслать нам текст при первой возможности».

Я был раздражен этим и происшедшей задержкой. Это было единственное послание перед нападением Германии, которое я направил непосредственно Сталину. Его краткость, исключительный характер сообщения, тот факт, что оно исходило от главы правительства и должно было быть вручено послом лично главе русского правительства, – все это должно было придать ему особое значение и привлечь внимание Сталина.

Премьер-министр – министру иностранных дел

16 апреля 1941 г.

«Я придаю особое значение вручению этого личного послания Сталину. Я не могу понять, почему этому противятся. Посол не сознает военной значимости фактов. Прошу вас выполнить мою просьбу».

И снова:

Премьер-министр – министру иностранных дел

18 апреля 1941 г.

«Вручил ли сэр Стаффорд Криппс Сталину мое личное письмо с предостережением насчет германской опасности? Меня весьма удивляет такая задержка, учитывая значение, которое я придаю этой крайне важной информации».

Ввиду этого 18 апреля министр иностранных дел телеграфировал послу, велел ему вручить мое послание. Так как от сэра Стаффорда Криппса не было получено никакого ответа, я спросил, что же произошло.

Премьер-министр – министру иностранных дел

30 апреля 1941 г.

«Когда сэр Стаффорд Криппс вручил мое послание Сталину? Не будете ли вы так добры запросить его».

Министр иностранных дел – премьер-министру

30 апреля 1941 г.

«Сэр Стаффорд Криппс направил послание Вышинскому 19 апреля, а Вышинский уведомил его письменно 23 апреля, что оно вручено Сталину.

Весьма сожалею, что по ошибке телеграммы, сообщающие об этом, не были посланы вам вовремя. Прилагаю копии».

Вот что содержалось в этих приложениях:

Сэр Стаффорд Криппс, Москва – министру иностранных дел

19 апреля 1941 г.

«Сегодня я отправил текст послания Вышинскому, попросив передать его Сталину. Из вашей телеграммы не было ясно, следовало ли включить комментарии в послание или же добавить от себя лично, и поэтому, ввиду моего письма Вышинскому от 11 апреля и моего вчерашнего свидания с ним, я предпочел воздержаться от добавления каких-либо комментариев, которые могли быть только повторением».

Сэр Стаффорд Криппс, Москва – министру иностранных дел

22 апреля 1941 г.

«Сегодня Вышинский письменно уведомил меня, что послание вручено Сталину».

Я не могу составить окончательного суждения о том, могло ли мое послание, будь оно вручено с надлежащей быстротой и церемониями, изменить ход событий. Тем не менее я все еще сожалею, что мои инструкции не были выполнены должным образом. Если бы у меня была прямая связь со Сталиным, я, возможно, сумел бы предотвратить уничтожение столь большой части его авиации на земле.

Мы знаем теперь, что в своей директиве от 18 декабря Гитлер назначил вторжение в Россию на 15 мая и что в ярости, вызванной революцией в Белграде, он 27 марта отодвинул эту дату на месяц, а затем – до 22 июня. До середины марта переброска войск на севере на главный русский фронт не носила такого характера, чтобы для сокрытия ее немцам нужно было принимать какие-либо особые меры. Однако 13 марта Берлин издал распоряжение закончить работу русских комиссий, действовавших на германской территории, и отослать их домой. Пребывание русских в этой части Германии могло быть разрешено только до 25 марта. В северном секторе уже сосредоточивались крупные германские соединения. С 20 марта должна была начаться еще более крупная концентрация сил.

22 апреля Советы пожаловались германскому министерству иностранных дел на продолжающиеся и усиливающиеся нарушения границы СССР германскими самолетами. С 27 марта по 18 апреля было зарегистрировано 80 таких случаев. «Вполне вероятно, – говорилось в русской ноте, – что следует ожидать серьезных инцидентов, если германские самолеты будут и впредь перелетать через советскую границу».

В ответ немцы выдвинули ряд встречных жалоб на советские самолеты.

* * *

В течение всего этого времени вдоль русского фронта сосредоточивалось 120 первоклассных германских дивизий, разбитых на три группы армий. Южная группа под командованием Рундштедта была по изложенным выше причинам недостаточно обеспечена танками. Ее танковые дивизии лишь незадолго перед тем вернулись из Греции и Югославии. Несмотря на то что срок был передвинут на 22 июня, они крайне нуждались в отдыхе и ремонте после всего, что они претерпели на Балканах.

13 апреля из Москвы в Берлин прибыл Шуленбург. 28 апреля его принял Гитлер, который произнес перед своим послом тираду по поводу жеста русских в отношении Югославии. Шуленбург, судя по его записи этого разговора, пытался оправдать поведение Советов. Он сказал, что Россия встревожена слухами о предстоящем нападении Германии. Он не может поверить, что Россия когда-нибудь нападет на Германию. Гитлер заявил, что события в Сер-

бии послужили ему предостережением. То, что произошло там, является для него показателем политической ненадежности государств. Но Шуленбург придерживался тезиса, лежавшего в основе всех его сообщений из Москвы. «Я убежден, что Сталин готов пойти на еще большие уступки нам. Нашим экономическим представителям уже указали, что (если мы сделаем своевременную заявку) Россия сможет поставлять нам до 5 миллионов тонн зерна в год»⁶.

30 апреля Шуленбург вернулся в Москву, глубоко разочарованный свиданием с Гитлером. У него создалось ясное впечатление, что Гитлер склоняется к войне. Видимо, Шуленбург даже пытался предупредить на этот счет русского посла в Берлине Деканозова и вел упорную борьбу в эти последние часы своей политики, направленной к русско-германскому взаимопониманию.

Официальный глава германского министерства иностранных дел Вайцеккер был весьма компетентным государственным служащим того типа, который можно найти в правительственных ведомствах многих стран. Он не был политическим деятелем, наделенным исполнительной властью, и в соответствии с английским обычаем не мог считаться ответственным за политику государства. Сейчас он отбывает семилетнее тюремное заключение по приговору суда, созданного победителями. Хотя, таким образом, он отнесен к числу военных преступников, он, несомненно, дал своему начальству хороший совет, и мы можем только радоваться, что оно не последовало этому совету. Вот что написал он по поводу этого свидания.

Вайцеккер – Риббентропу

Берлин, 28 апреля 1941 г.

«Я могу выразить одной фразой свои взгляды на русско-германский конфликт. Если бы каждый русский город, обращенный в пепел, имел для нас такую же ценность, как потопленный английский военный корабль, я предложил бы начать германо-русскую войну этим летом. Но я считаю, что мы победили бы Россию лишь в военном отношении и, с другой стороны, проиграли бы в экономическом отношении.

Может быть, и соблазнительно нанести коммунистической системе смертельный удар, и можно также сказать, что логика вещей требует, чтобы Евразийский континент был противопоставлен англосаксам и их сторонникам. Но единственное решающее соображение заключается в том, ускорит ли это падение Англии.

Мы должны различать две возможности:

(а) Англия близка к краху. Если мы примем эту посылку, то, создав себе нового противника, мы лишь ободрим Англию. Россия не является потенциальным союзником англичан. Англия не может ожидать от России ничего хорошего. В России не связывают никаких надежд с отсрочкой краха Англии так же, как вместе с Россией мы не уничтожаем никаких надежд Англии.

(б) Если мы не верим в близкий крах Англии, тогда напрашивается мысль, что, применив силу, мы должны будем снабжать себя за счет советской территории. Я считаю само собой разумеющимся, что мы успешно продвинемся до Москвы и дальше. Однако я весьма сомневаюсь, будем ли мы в состоянии воспользоваться завоеванным ввиду известного пассивного сопротивления славян. Я не вижу в русском государстве какой-либо действенной оппозиции, способной заменить коммунистическую систему, войти в союз с нами и быть нам полезной. Поэтому нам, вероятно, пришлось бы считаться с сохранением сталинской системы в Восточной России и в Сибири и с возобновлением военных действий весной 1942 года. Окно в Тихий океан осталось бы закрытым.

Нападение Германии на Россию послужило бы лишь источником моральной силы для англичан. Оно было бы истолковано ими как неуверенность Германии в успехе ее борьбы про-

⁶ Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. P. 279.

тив Англии. Тем самым мы не только признали бы, что война продлится еще долго, но и могли бы действительно затянуть ее, вместо того чтобы сократить».

7 мая Шуленбург с надеждой сообщил, что Сталин стал председателем Совета народных комиссаров вместо Молотова и тем самым – главой правительства Советского Союза.

«Причину этого можно искать в допущенных за последнее время ошибках во внешней политике, приведших к охлаждению сердечных германо-советских отношений, к установлению и сохранению которых сознательно стремился Сталин.

На своем новом посту Сталин берет на себя ответственность за все акты правительства как во внутренней, так и во внешней областях... Я убежден, что Сталин использует свое новое положение, чтобы лично принять участие в поддержании и развитии хороших отношений между Советами и Германией».

Германский морской атташе в сообщении из Москвы следующим образом выразил ту же точку зрения: «Сталин – оплот германо-советского сотрудничества». Примеры умиротворения русскими Германией умножились. 3 мая Россия официально признала прогерманское правительство Рашида Али в Ираке. 7 мая из России были высланы дипломатические представители Бельгии и Норвегии. Был вышвырнут даже югославский посланник. В начале июня из Москвы была изгнана греческая миссия. Как писал впоследствии в своем докладе о военной экономике рейха заведующий экономическим отделом германского военного министерства генерал Томас, «русские выполняли свои поставки до самого кануна нападения, и в последние дни доставка каучука с Дальнего Востока производилась курьерскими поездами».

Мы, конечно, не располагали полной информацией о настроениях в Москве, но цели Германии казались ясными и понятными. 16 мая я телеграфировал генералу Смэтсу: «Похоже на то, что Гитлер накапливает силы против России. На север с Балкан и на восток из Германии и Франции идет непрерывное движение войск, танковых сил и самолетов». Сталин, должно быть, старался изо всех сил сохранить свои иллюзии в отношении политики Гитлера. 13 июня, после еще одного месяца усиленной переброски и развертывания германских войск, Шуленбург смог телеграфировать германскому министерству иностранных дел:

«Народный комиссар Молотов только что вручил мне текст следующего сообщения ТАСС, которое будет передано сегодня вечером по радио и опубликовано завтра в газетах:

„Еще до приезда английского посла в СССР Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали мушкетироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам:

1. Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового соглашения между ними.

2. СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР.

3. Советский Союз в свою очередь будто бы стал усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым заявить, что эти слухи являются неуклюжей пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны“».

Гитлер имел все основания быть довольным успехом своих мер, принятых им в целях обмана и сокрытия своих истинных намерений, а также настроениями своей жертвы.

Последний просчет Молотова стоит того, чтобы рассказать о нем.

Шуленбург – германскому министерству иностранных дел
Москва, 22 июня 1941 г., 1 ч 17 мин утра

«Сегодня в 9 ч 30 мин вечера Молотов вызвал меня к себе в кабинет. Упомянув о сообщениях относительно неоднократных нарушений границы германскими самолетами и заметив, что Деканозову поручено в связи с этим посетить министра иностранных дел Германии, Молотов заявил следующее:

Имеется ряд указаний на то, что германское правительство недовольно Советским правительством. Ходят даже слухи о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом. Они подкрепляются тем фактом, что Германия никак не реагировала на сообщение ТАСС от 15 июня и что это сообщение не было даже опубликовано в Германии. Советское правительство не в состоянии понять причин недовольства Германии. Если такое недовольство вызвал в свое время югославский вопрос, то он (Молотов) считает, что он разъяснил этот вопрос в своих прежних сообщениях, и к тому же это дело прошлое. Он был бы признателен, если бы я мог сказать ему, чем вызвано нынешнее положение в отношениях между Германией и Советской Россией.

Я сказал, что не могу ответить на его вопрос, так как не располагаю нужной информацией, но что я передам его заявление в Берлин».

Но час пробил.

Риббентроп – Шуленбургу

Берлин, 21 июня 1941 г.

«1. По получении этой телеграммы весь зашифрованный материал, еще находящийся там, подлежит уничтожению. Радиостанцию надо привести в негодность.

2. Уведомите, пожалуйста, тотчас же Молотова, что вы должны сделать ему срочное сообщение и поэтому хотели бы немедленно посетить его. Затем сделайте ему следующее заявление:

„...Правительство Германии заявляет, что Советское правительство, вопреки взятым на себя обязательствам, 1) не только продолжало, но даже усилило свои подрывные действия в отношении Германии и Европы; 2) проводит все более антигерманскую внешнюю политику; 3) сосредоточило все свои силы в состоянии готовности на германской границе.

Тем самым Советское правительство нарушило свои договоры с Германией и собирается напасть с тыла на Германию, ведущую борьбу за существование. Поэтому фюрер приказал германским вооруженным силам отразить эту угрозу всеми средствами, имеющимися в их распоряжении“.

Прошу не вступать ни в какое обсуждение данного заявления. Правительство Советской России обязано обеспечить безопасность сотрудников посольства».

В 4 часа утра 22 июня Риббентроп передал русскому послу в Берлине официальный документ об объявлении войны. На рассвете Шуленбург явился в Кремль к Молотову. Последний молча выслушал заявление, зачитанное германским послом, и затем заметил: «Это война. Ваши самолеты только что подвергли бомбардировке около 10 беззащитных деревень. Вы считаете, что мы заслужили это?»⁷

Ввиду сообщения ТАСС нам было бесполезно прибавлять что-либо к различным предостережениям, которые Иден делал советскому послу в Лондоне. Точно так же мне незачем было возобновлять личные попытки открыть глаза Сталину на угрожающую ему опасность.

⁷ Это был последний акт дипломатической карьеры графа Шуленбурга. В конце 1943 года его имя называют в кругах участников тайного заговора против Гитлера в Германии в качестве кандидата на пост министра иностранных дел в правительстве, которое должно было сменить нацистский режим. Это объяснялось тем, что он считался особенно подходящей фигурой для заключения сепаратного мира со Сталиным. После покушения на Гитлера в июле 1944 года Шуленбург был арестован нацистами и заключен в тюрьму гестапо. 10 ноября он был казнен.

Еще более точную информацию постоянно посылали Советскому правительству Соединенные Штаты, но что бы мы ни делали, мы не были в состоянии пробить стену слепой предубежденности и предвзятых мнений, которую Сталин воздвиг между собой и страшной истиной. Хотя, по подсчетам немцев, на советских границах было сосредоточено 186 русских дивизий, из которых 119 находились на германском фронте, русские армии были в значительной степени застигнуты врасплох. Немцы не обнаружили никаких признаков наступательных приготовлений в передовой полосе, и русские войска прикрытия были быстро смяты. На русских аэродромах повторилось в гораздо больших масштабах нечто вроде той катастрофы, которая постигла 1 сентября 1939 года польскую авиацию. На рассвете много сотен русских самолетов было застигнуто врасплох и уничтожено, прежде чем они успели подняться в воздух. Злобный бред, распространявшийся советской пропагандистской машиной в ночном эфире по адресу Англии и Соединенных Штатов, был заглушен на заре германской канонадой. Злые не всегда умны – так же как диктаторы не всегда бывают правы.

Нельзя закончить этот рассказ, не упомянув об ужасной политике, принятой Гитлером по отношению к его новым врагам и проводившейся в обстановке смертельной борьбы на обширных бесплодных или опустошенных землях и в условиях ужасной зимы. На совещании 14 июня 1941 года он отдал устные приказы, которые в значительной степени определили поведение германской армии по отношению к русским войскам и населению и привели к множеству жестоких и варварских поступков. Согласно документам Нюрнбергского процесса, генерал Гальдер показал:

«Перед нападением на Россию фюрер созвал совещание всех командующих и лиц, связанных с верховным командованием, по вопросу о предстоящем нападении на Россию. Я не могу припомнить точной даты этого совещания... На этом совещании фюрер заявил, что методы, используемые в войне против русских, должны отличаться от методов, применяемых против Запада... Он сказал, что борьба между Россией и Германией – это русская борьба. Он заявил, что, поскольку русские не подписали Гаагской конвенции, в обращении с их военнопленными не следует придерживаться статей этой конвенции... Он (также) сказал, что так называемые комиссары не должны рассматриваться как военнопленные».

Кейтель в свою очередь заявил:

«Гитлер упирал главным образом на то, что это решающая битва между двумя идеологиями и что этот факт исключает возможность применения в этой войне (с Россией) методов, которые были известны нам, военным, и которые считались единственно правильными согласно международному праву»⁸.

В пятницу вечером, 20 июня, я выехал один в Чекерс. Я знал, что нападение Германии на Россию является вопросом дней, а может быть, и часов. Я намеревался выступить в субботу вечером по радио с заявлением по этому вопросу. Разумеется, мое выступление должно было быть составлено в осторожных выражениях, тем более что в этот момент Советское правительство, в одно и то же время высокомерное и слепое, рассматривало каждое наше предостережение просто как попытку потерпевших поражение увлечь за собой к гибели и других. Поразмыслив в машине, я отложил свое выступление до вечера воскресенья, когда, как я думал, все станет ясным. Таким образом, суббота прошла в обычных трудах.

За пять дней до этого я послал президенту Рузвельту следующую телеграмму:

Бывший военный моряк – президенту Рузвельту

15 июня 1941 г.

«Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее напа-

⁸ Nuremberg Documents. Part VI. P. 310 ff.

дение на Россию. Главные германские армии дислоцированы на всем протяжении от Финляндии до Румынии, и заканчивается сосредоточение последних авиационных и танковых сил. Карманный линкор „Лютцов“, высунувший вчера свой нос из Скагеррака и моментально торпедированный самолетами нашей береговой авиации, вероятно, направлялся на север, чтобы укрепить военно-морские силы на арктическом фланге. Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-русский конфликт не создаст для вас никаких затруднений».

Американский посол, проводивший конец недели у меня, привез ответ президента на мое послание. Президент обещал, что, если немцы нападут на Россию, он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника». Уайнант передал устно это важное заверение.

Когда я проснулся утром 22 июня, мне сообщили о вторжении Гитлера в Россию. Уверенность стала фактом. У меня не было ни тени сомнения, в чем заключаются наш долг и наша политика. Не сомневался я и в том, что именно мне следует сказать. Оставалось лишь составить заявление. Я попросил немедленно известить, что в 9 часов вечера я выступлю по радио. В этот момент ко мне в спальню вошел с подробными известиями генерал Дилл, поспешивший ко мне из Лондона. Немцы вторглись в Россию на широчайшем фронте, застигли на аэродромах врасплох значительную часть советской авиации и, по-видимому, двигались вперед с огромной быстротой и стремительностью. Начальник имперского генерального штаба добавил: «Я полагаю, что они огромными массами будут попадать в окружение».

Танки вермахта пересекают границу Рейха и СССР в начале немецкого вторжения

Весь день я работал над своим заявлением. Я не имел времени проконсультироваться с военным кабинетом, да в этом и не было необходимости. Я знал, что в этом вопросе мы все мыслим одинаково. Иден, лорд Бивербрук и сэр Стаффорд Криппс – он покинул Москву 10-го – также находились со мной в течение всего дня.

В данной связи может представить интерес рассказ моего личного секретаря Колвилла, дежурившего эту субботу и воскресенье в Чекерсе.

«В субботу, 21 июня, я приехал в Чекерс перед самым обедом. Там гостили г-н и г-жа Уайнант, г-н и г-жа Иден и Эдуард Бриджес. За обедом Черчилль сказал, что нападение Германии на Россию является теперь неизбежным и что, по его мнению, Гитлер рассчитывает заручиться сочувствием капиталистов и правых в Англии и в США. Гитлер, однако, ошибается в своих расчетах. Мы окажем России всемерную помощь. Уайнант сказал, что то же самое относится и к США.

После обеда, когда я прогуливался с Черчиллем по крокетной площадке, он вернулся к этой теме, и я спросил, не будет ли это для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа. Черчилль ответил: „Нисколько. У меня лишь одна цель – уничтожение Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин“.

На следующее утро я был разбужен в 4 часа телефонным звонком из министерства иностранных дел, откуда сообщили, что Германия напала на Россию. Премьер-министр всегда говорил, чтобы его не будили ни в коем случае, разве только начнется вторжение (в Англию). Поэтому я отложил сообщение до 8 часов утра. Единственным его замечанием было: „Передайте Би-би-си, что я выступлю сегодня в 9 часов вечера“. Он начал готовить свою речь в 11 часов утра и, если не считать завтрака, на котором присутствовали сэр Стаффорд Криппс, лорд Крэнборн и лорд Бивербрук, посвятил ей весь день... Речь была готова лишь без двадцати девять».

В своем выступлении я сказал:

«Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся – да, ибо бывают времена, когда молятся все, – о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десятков стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще не зажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу.

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий...

Я должен заявить о решении Правительства Его Величества, и уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика? У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с божьей помощью, не избавим землю от

самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии. Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я скажу, что если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет малейшее расхождение в целях или ослабление усилий великих демократий, которые решили уничтожить его, то он глубоко заблуждается. Напротив, это еще больше укрепит и поощрит наши усилия спасти человечество от его тирании. Это укрепит, а не ослабит нашу решимость и наши возможности.

Сейчас не время морализировать по поводу безумия стран и правительств, которые позволили разбить себя поодиночке, когда совместными действиями они могли бы спасти себя и мир от этой катастрофы. Но когда несколько минут назад я говорил о кровожадности и алчности Гитлера, соблаздивших и толкнувших его на авантюру в России, я сказал, что за его преступлением скрывается один более глубокий мотив. Он хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров, который, как ему известно, он должен завоевать, или же ему придется понести кару за свои преступления. Его вторжение в Россию – это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов. Он надеется, что сможет снова повторить в большем масштабе, чем когда-либо, тот процесс уничтожения своих врагов поодиночке, благодаря которому он так долго преуспевал и процветал, и что затем будет расчищена сцена для последнего акта, без которого были бы тщетны все его завоевания, а именно для покорения своей воле и подчинения своей системе Западного полушария.

Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни».

Наш советский союзник

Вторжение Гитлера в Россию вызвало переоценку ценностей и изменило отношения военного времени. Советские руководители были настолько ослеплены своими предрассудками, что не предприняли многих из тех шагов, которые диктовались соображениями их же собственной безопасности. С другой стороны, благодаря тому, что они проявили равнодушие к судьбе других, они выиграли время, и, когда 22 июня 1941 года пробил их час испытаний, они оказались гораздо сильнее, чем воображал Гитлер. Возможно, что не только он, но и его генералы были введены в заблуждение неудачными действиями русских против финнов. Тем не менее именно русские были застигнуты врасплох, и на них с самого начала обрушились огромные несчастья. В данном повествовании можно будет ознакомить читателей только с наиболее характерными моментами новой колоссальной борьбы, которая началась теперь между армиями и населением обеих стран. <...>

До того момента, пока Советское правительство не подверглось нападению Гитлера, оно, по-видимому, ни о ком не заботилось, кроме как о себе. Впоследствии это настроение, естественно, стало проявляться еще ярче. До сих пор советские руководители с каменным спокойствием наблюдали крушение фронта во Франции в 1940 году и наши безуспешные попытки создать в 1941 году фронт на Балканах. Они оказывали нацистской Германии значительную экономическую, а также и другую, менее существенную помощь. Теперь, когда они были обмануты и застигнуты врасплох, они сами оказались под пламенеющим немецким мечом. Их первым порывом было – затем это стало их постоянной политикой – потребовать всевозможной помощи от Великобритании и ее империи, той самой империи, планы возможного раздела которой между Сталиным и Гитлером в течение последних восьми месяцев отвлекали внимание советских руководителей от сосредоточения немецких сил на Востоке. Не колеблясь, они стали в настоятельных и резких выражениях требовать от измученной и сражающейся Англии отправки им военных материалов, которых так не хватало ее собственной армии. Они настаивали, чтобы Соединенные Штаты переадресовали им максимальное количество различных материалов, на которые рассчитывали мы, и, более того, уже летом 1941 года они требовали высадки англичан в Европе, любой ценой и невзирая на риск, с целью создания второго фронта. Английские коммунисты, которые до сих пор старались причинить как можно больше вреда на наших промышленных предприятиях, что им не слишком-то удавалось, и поносили «капиталистическую и империалистическую войну», внезапно снова резко изменили свою позицию и стали царапать на стенах и заборах лозунг «Немедленно открыть второй фронт».

Мы не позволяли этим довольно печальным и постыдным фактам влиять на наш образ мыслей и старались видеть только героические жертвы русского народа, которые ему пришлось нести в результате бедствий, навлеченных на него собственным правительством, и его самоотверженную борьбу за родную землю.

Русские никогда ни в малейшей степени не понимали характера десантной операции, необходимой для того, чтобы высадить и удержать огромную армию на хорошо защищенном вражеском побережье. Даже американцы в это время в значительной мере не сознавали этих трудностей. В месте высадки необходимо было обеспечить не только господство на море, но и господство в воздухе. Надо было также учитывать еще и третий жизненно важный фактор. Основой успешной высадки любого десанта при наличии сильного сопротивления неприятеля должно быть наличие огромной армады специально сконструированных десантных судов, прежде всего различных самоходных танковых барж. Для создания этой армады, как это было и будет показано, я давно прилагал все свои усилия. Даже небольшая армада не могла быть готова ранее лета 1943 года, а достаточно мощная армада, как это теперь уже общепризнано, не могла быть создана ранее 1944 года. В описываемый период, осенью 1941 года, мы не обла-

дали господством в воздухе над оккупированной противником территорией Европы, за исключением Па-де-Кале, где находились самые сильные немецкие укрепления. Десантные суда еще только строились. У нас в Англии еще даже не было армии столь же крупной, столь же хорошо обученной и столь же хорошо оснащенной, как та, с которой мы должны были столкнуться во Франции. И все же до сих пор по вопросу о втором фронте извергаются целые потоки глупостей и лжи. Убедить Советское правительство не было, разумеется, ни малейшей надежды ни тогда, ни в любое другое время. Впоследствии Сталин даже как-то заявил мне, что, если англичане боятся, он готов послать три-четыре русских армейских корпуса, которые справятся с этим делом. Из-за недостатка судов и других материальных факторов я был лишен возможности поймать его на слове.

Советское правительство никак не откликнулось на мое обращение по радио к России и ко всему миру в день нападения Германии, если не считать того, что выдержки из него были напечатаны в «Правде» и в других русских правительственных органах и что нас попросили принять русскую военную миссию. Молчание в высших сферах было тягостным, и я счел своей обязанностью сломать лед.

Я вполне понимал, что они, возможно, испытывают неловкость, учитывая все, что произошло между Советским Союзом и западными союзниками после начала войны, и помня о том, что было двадцать лет назад между мной и большевистским революционным правительством. Поэтому я обратился лично к Сталину и сообщил о нашем намерении помочь русскому народу всем, чем только мы можем.

Премьер-министр – Сталину
7 июля 1941 г.

«Мы все очень рады, что русские армии оказывают такое сильное и мужественное сопротивление ничем не вызванному жестокому нападению нацистов. Все восхищены отвагой и упорством солдат и народа. Мы сделаем все, чтобы помочь вам, насколько позволят время, географические условия и наши возрастающие ресурсы. Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем оказать. Наша авиация производит днем и ночью очень сильные налеты на всю оккупированную немцами территорию и на ту часть Германии, которая находится в пределах ее досягаемости. Вчера днем было произведено около 400 самолето-вылетов. В субботу ночью свыше 200 тяжелых бомбардировщиков совершили налеты на немецкие города, причем некоторые из этих бомбардировщиков имели по три тонны бомб каждый, а прошлой ночью действовало около 250 тяжелых бомбардировщиков. Так будет продолжаться и впредь. Мы надеемся этим самым принудить Гитлера перебросить на Запад часть его авиации и постепенно ослабить нажим, которому вы подвергаетесь. Кроме того, морское министерство подготовило по моему указанию серьезную операцию, которая в ближайшем будущем будет проведена в Арктике, после чего, я надеюсь, установится контакт между английским и русским морскими флотами. Пока же в результате рейдов, проведенных у побережья Норвегии, мы перехватили различные транспортные суда, которые направлялись на север, к противнику.

Мы приветствуем прибытие русской военной миссии для координации будущих планов. Нам надо только продолжать сражаться, и мы наголову разобьем этих мерзавцев».

Первым шагом, который следовало сделать, очевидно, было установление допускаемого советскими властями контакта с русским военным командованием. В соответствии с этим тотчас же после получения необходимого согласия наших новых союзников в Москву была послана авторитетная военная миссия. Настоятельно необходимо было также установить контакт между двумя флотами. 10 июля я отправил следующее отношение морскому министерству:

*Премьер-министр – морскому министру
и начальнику морского штаба*

10 июля 1941 г.

«Представляется совершенно необходимым отправить небольшую смешанную английскую эскадру в Арктику для установления контакта и для совместных действий с русскими военно-морскими силами. Это должно быть сделано до проведения подготавливаемой нами операции. Впечатление, которое произведет на русский военно-морской флот и вообще на сражающуюся русскую армию прибытие в Арктику этих кораблей, которые будут именоваться английским флотом, может иметь огромное значение. Прибытие кораблей в Арктику позволит нам также сэкономить большое количество крови англичан.

Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключенный Россией, явился бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране. Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причиняет нам неудобства, – что я вполне сознаю, – ради того чтобы поддержать их дух... Эскадра, несомненно, должна будет отправиться в Архангельск.

Сообщите мне, пожалуйста, об этом, как только сможете».

На этой ранней стадии мы также надеялись, что нам удастся заложить основы военного союза между двумя странами.

Премьер-министр – сэру Стаффорду Криппсу

10 июля 1941 г.

«Прошу вас немедленно передать следующее послание премьер-министра Сталину:

1. После того как посол Криппс сообщил о своей беседе с вами и об условиях предполагаемой совместной англо-русской декларации, состоящей из двух основных пунктов, а именно: 1) взаимная помощь без какого-либо точного определения ее количества и качества и 2) ни одна страна не должна заключать сепаратного мира – я немедленно созвал заседание военного кабинета с участием Фрэзера, премьер-министра доминиона Новая Зеландия, находящегося в настоящее время в Англии. Нам необходимо будет проконсультироваться с доминионами – Канадой, Австралией и Южно-Африканским Союзом, пока же я хотел бы заверить вас, что мы полностью поддерживаем предложенную вами совместную декларацию. Мы полагаем, что она должна быть подписана, как только мы получим согласие доминионов, и тотчас же после этого опубликована.

2. Только для вашего сведения. Мы полагаем, что эта декларация должна быть сформулирована следующим образом: Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительство СССР согласились о нижеследующем: 1) Оба правительства взаимно принимают на себя обязательство оказывать друг другу всяческую помощь в нынешней войне против Германии. 2) Они также обязуются не вести во время этой войны переговоров и не заключать перемирия или мирного договора, иначе как по взаимному согласию.

3. Поскольку необходимо еще проконсультироваться с правительствами доминионов, вы не должны пока что передавать этот текст Сталину. Но знакомство с ним поможет вам понять, что мы имеем в виду, и вы сможете дать Сталину любые разъяснения, которых он может потребовать».

Между двумя министерствами иностранных дел велась официальная переписка, но только 19 июля я получил первое письмо лично от Сталина, В тот день меня посетил Майский, советский посол в Лондоне, и вручил мне следующее послание:

Сталин – премьер-министру

18 июля 1941 г.

«Разрешите поблагодарить Вас за оба личных послания.

Ваши послания положили начало соглашению между нашими правительствами. Теперь, как Вы выразились с полным основанием, Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией. Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага.

Может быть, не лишне будет сообщить Вам, что положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным. Результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз, создавшие для немецких войск выгодное положение, все еще сказываются на положении советских войск. Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда.

Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев».

Таким образом, русские с самого начала нашей переписки стали настойчиво требовать открытия второго фронта, и они снова и снова возвращались к этой теме на протяжении всех наших последующих отношений с неизменным пренебрежением к реальным фактам (исключение составлял только Крайний Север). В этой первой полученной мной телеграмме от Сталина содержался единственный признак угрызений совести, какой я когда-либо заметил с советской стороны. В этой телеграмме он по собственному почину стал защищать переход Советского Союза на другую сторону и свое предвоенное соглашение с Гитлером. Он далее остановился, как я уже это делал в первом томе, на стратегической необходимости для русских отодвинуть линию немецкого фронта как можно дальше на запад в Польшу, с тем чтобы выиграть время для полного развертывания русских глубинных резервов. Я всегда надлежащим образом оценивал этот аргумент и вполне мог соответственно ответить на это.

Премьер-министр – Сталину

20 июля 1941 г.

«1. Я был очень рад получить ваше послание и узнать из многих источников, как доблестно сражаются русские армии за свою родную землю, неоднократно предпринимая мощные контратаки. Я полностью сознаю, какие военные преимущества вы получили, вынудив противника развернуться и вести военные действия на отодвинутом к западу фронте, тем самым несколько ослабив силу его первого натиска.

2. Все разумное и эффективное, что мы можем сделать, чтобы помочь вам, будет сделано. Однако я прошу вас учесть, что мы ограничены в своих действиях нашими ресурсами и географическим положением. С первого дня германского нападения на Россию мы изучали возможности наступления на оккупированную Францию и Нидерланды. Начальники штабов не видят никакой возможности предпринять что-либо в таком масштабе, чтобы это хоть в какой-то степени принесло вам пользу. Немцы имеют в одной только Франции сорок дивизий. Все французское побережье укреплялось более года со свойственным немцам усердием, и там полным-полно артиллерийских орудий, проволочных заграждений, дотов и прибрежных мин. Единственный участок, где мы могли бы иметь хотя бы временное превосходство в воздухе и обеспечить себе прикрытие истребительной авиацией, – это район от Дюнкерка до Булони. Однако этот участок представляет собой сплошной пояс укреплений с десятками тяжелых орудий, обстреливающих морские подступы, причем многие из них могут вести огонь непосредственно через Па-де-Кале. Продолжительность ночной темноты – менее пяти часов, да и в это время весь район освещается прожекторами. Если мы попытаемся высадить крупные силы, мы понесем огромные потери, а небольшие рейды могут закончиться лишь неудачей и принесут нам обоим гораздо больше вреда, чем пользы. Противник покончит с нами, не прибегая для этого к переброске хотя бы одной воинской части с вашего фронта, и даже еще до того, как он смог бы ее перебросить.

3. Вы должны помнить, что мы сражались одни более года и что, хотя наши ресурсы возрастают и будут теперь быстро возрастать, мы испытываем крайнее напряжение на суше и в воздухе как в Англии, так и на Среднем Востоке, и, наконец, что битва за Атлантику, от которой зависит наше существование, а также движение наших караванов в условиях блокады, проводимой подводными лодками и самолетами „Фокке-Вульф“, требуют крайнего напряжения наших военно-морских сил, как бы велики они ни были.

4. Поэтому мы можем оказать быструю помощь только на Севере. Во-первых, в течение трех последних недель морской штаб подготавливал операцию, которая будет проведена морской авиацией против немецких судов к северу от Норвегии и Финляндии. Этим мы надеемся лишить противника возможности перебросить морем войска для нападения на ваш арктический фланг. Мы просили ваши штабы не посылать в определенный участок русские корабли в период между 28 июня и 2 августа, когда мы рассчитываем нанести удар.

Во-вторых, мы немедленно отправляем несколько крейсеров и эсминцев на Шпицберген, откуда они смогут совершать рейды против немецких судов во взаимодействии с вашими военно-морскими силами.

В-третьих, мы отправляем флотилию подводных лодок для нарушения немецких коммуникаций у арктического побережья, хотя из-за отсутствия темноты такого рода операции являются особенно опасными.

В-четвертых, мы посылаем в Архангельск минный заградитель с различными материалами.

Это максимум того, что мы можем сделать в настоящее время. Я хотел бы, чтобы мы могли сделать больше. Прошу вас держать это в строжайшей тайне, пока мы не известим вас, что огласка не принесет вреда.

5. Никакой легкой норвежской дивизии не существует, и ни английские, ни русские войска невозможно было бы высадить на оккупированной немцами территории в такое время,

когда день продолжается круглые сутки, не обеспечив им сначала достаточного прикрытия истребителями с воздуха. В прошлом году мы имели печальный опыт проведения подобной операции в Намсусе, а в этом году – на Крите.

6. Мы изучаем также в качестве одного из возможных мероприятий вопрос о размещении в Мурманске нескольких эскадрилий английских истребителей. Для этого потребовалось бы прежде всего доставить зенитные орудия, а затем самолеты, часть из которых могла бы подняться с авианосцев, а другие прибыли бы в упакованном виде. После того как эти эскадрильи обосновались бы в Мурманске, туда могла бы прибыть наша шпицбергенская эскадра, с тем чтобы действовать совместно с вашими военно-морскими силами. У нас есть основания полагать, что немцы перебросили сильную группу пикирующих бомбардировщиков, которую они держат в запасе на случай нашего прибытия. Поэтому необходимо действовать постепенно. На все это, однако, понадобятся недели.

7. Без колебаний вносите любые другие предложения, которые могут прийти вам в голову, и мы также будем всячески стараться найти другие способы нанести удар по общему врагу».

С первого же момента я делал все, что мог, для оказания помощи вооружением и различными материалами, соглашаясь на отправку в Россию из Соединенных Штатов значительной части того, что предназначалось нам, а также идя на прямые жертвы за счет Англии. В начале сентября на корабле «Аргус» было отправлено в Мурманск примерно две эскадрильи «Харрикейнов» для оказания помощи в обороне военно-морской базы и для взаимодействия с русскими силами в этом районе. Они доблестно сражались на протяжении трех месяцев. К 11 сентября эти эскадрильи уже начали боевые действия. Я понимал, что в эти первые дни нашего союза мы могли сделать очень мало, и старался заполнить пустоту вежливыми фразами.

Премьер-министр – Сталину

25 июля 1941 г.

«1. Рад известить вас, что военный кабинет решил, несмотря на то, что это серьезно уменьшит наши ресурсы истребительной авиации, отправить в Россию как можно скорее 200 истребителей „Томахов“. 140 этих истребителей будет отправлено из Англии в Архангельск, а 60 будет взято из партии самолетов, которые Соединенные Штаты Америки должны были послать нам. Вопрос о запасных частях и американском персонале для сборки этих машин еще необходимо согласовать с американским правительством.

2. Вскоре у нас будет от 2 до 3 млн пар ботинок, которые мы сможем послать. Мы также постараемся в текущем году обеспечить отправку большого количества каучука, олова, шерсти и шерстяных тканей, джута, свинца и шеллака. Все остальные ваши заявки на сырье подвергаются тщательному рассмотрению. В тех случаях, когда эти материалы невозможно послать из Англии или они имеются здесь в ограниченном количестве, мы ведем переговоры с Соединенными Штатами Америки.

Подробности, разумеется, будут вам сообщены обычным официальным путем.

3. Мы с восхищением и волнением наблюдаем за тем, как великолепно сражается Россия, и вся получаемая нами информация свидетельствует о том, что противник несет тяжелые потери и что он встревожен. Наши воздушные налеты на Германию будут продолжаться с возрастающей силой».

Каучук был дефицитным и драгоценным, а русские требовали его в самых больших количествах. Мне даже пришлось позаимствовать из наших скромных запасов.

Премьер-министр – Сталину

28 июля 1941 г.

«1. О каучуке. Мы доставим товары отсюда или из США самым лучшим и самым кратчайшим путем. Пожалуйста, укажите точно, какого рода каучук вам требуется и каким путем его доставить. Предварительные распоряжения уже отданы...»

3. Замечательное сопротивление русской армии, защищающей свою родную землю, объединяет всех нас. Германии предстоит выдержать ужасную зиму непрерывных бомбежек. Никто еще не переживал того, что придется теперь пережить ей. Морские операции, о которых говорилось в моей последней телеграмме, уже осуществляются. Приношу вам глубокую благодарность за то, что вы в самом разгаре своей великой борьбы сумели понять, как трудно нам сделать большее. Мы сделаем все, что в наших силах»...

Я всячески старался путем частого обмена личными телеграммами создать такие же дружественные отношения, какие сложились у меня с президентом Рузвельтом. За время этой длительной переписки с Москвой меня не раз осаживали и только изредка удаивали добрым словом. Во многих случаях на мои телеграммы вовсе не отвечали или же ответ задерживался на много дней.

Советское правительство полагало, что русские оказывают нам огромную услугу, сражаясь в своей собственной стране за свою собственную жизнь. И чем дольше они сражались, тем в большем долгу они нас считали. Это была небеспристрастная точка зрения. Два или три раза за время этой длительной переписки мне приходилось протестовать в резких выражениях, в особенности против скверного обращения с нашими моряками, которые подвергались стольким опасностям, доставляя снабжение в Мурманск и в Архангельск.

Однако почти неизменно в ответ на запугивание и упреки я «пожимал плечами терпеливо; терпение – девиз»⁹ всех, кому приходится иметь дело с Кремлем. Кроме того, я всегда делал скидку на те тяжелые условия, в которых находились Сталин и его неустранимый русский народ.

Германские армии далеко продвинулись в глубь России, но в конце июля возникли существенные разногласия между Гитлером и главнокомандующим Браухичем.

Браухич полагал, что группа армий Тимошенко, заслонявшая Москву, составляла главные силы русских и что ей нужно нанести поражение в первую очередь. Этому требовала ортодоксальная доктрина. Вслед за тем, утверждал Браухич, необходимо взять Москву, главный военный, политический и промышленный центр всей России. Гитлер был с этим решительно не согласен. Он хотел захватить возможно большую территорию и уничтожить русские армии на самом широком фронте. На севере он требовал захвата Ленинграда, а на юге – индустриального Донецкого бассейна, Крыма и подступов к русским нефтяным месторождениям на Кавказе; Москва же могла подождать.

После ожесточенного спора Гитлер взял верх над руководителями своей армии. Северная группа армий, усиленная за счет центра, получила приказ активизировать операции против Ленинграда. Центральная немецкая группа должна была перейти к обороне. Ей было приказано отправить в южном направлении танковую группу, чтобы ударить во фланг русским, которые отступали через Днепр, преследуемые Рундштедтом. Эта операция немцам прекрасно удалась. В начале сентября в треугольнике Конотоп – Кременчуг – Киев вокруг русских войск стало замыкаться кольцо окружения, и свыше полумиллиона человек было убито или захвачено в плен в результате ожесточенных боев, продолжавшихся в течение всего этого месяца. На севере не удалось достигнуть такого успеха. Ленинград был окружен, но не взят. Решение Гитлера оказалось неправильным. Теперь все его помыслы, вся сила воли были снова сосредоточены на центральном направлении.

⁹ Слова Шейлока из пьесы Шекспира «Венецианский купец», I акт, сц. 3. – *Прим. ред.*

Войскам, осаждавшим Ленинград, было приказано выделить подвижные силы и часть поддерживающей авиации для усиления возобновившегося наступления на Москву. Танковая группа, которая была отправлена на юг, к Рундштедту, теперь вернулась обратно для участия в наступлении. В конце сентября все снова было подготовлено для отмененного ранее удара в центре, между тем как южные армии продолжали наступать в восточном направлении, к нижнему течению Дона, откуда для них должна была открыться дорога на Кавказ.

Немецкие артиллеристы заряжают 240-мм гаубицу на позиции под Ленинградом

Позиция России в отношении Польши определяла на первой стадии наши взаимоотношения с Советами.

Нападение немцев на Россию не явилось неожиданностью для польских кругов за границей. Начиная с марта 1941 года польское правительство в Лондоне получало сведения от польского подполья о сосредоточении германских войск на западных границах России. В случае войны неизбежно должны были произойти коренные перемены в отношениях между Советской Россией и польским правительством в эмиграции. Прежде всего встал бы вопрос о том, в какой мере могли бы быть пересмотрены относящиеся к Польше статьи нацистско-советского пакта, заключенного в августе 1939 года, так чтобы при этом не было нарушено единство англо-русского военного союза. Когда миру стало известно о нападении немцев на Россию, восстановление польско-русских отношений, порванных в 1939 году, приобрело большое значение. 5 июля в Лондоне при посредничестве Англии начались переговоры между двумя правительствами.

Польшу представлял премьер-министр ее правительства в изгнании генерал Сикорский, Россию – советский посол Майский. У поляков было две цели – добиться признания Советским правительством, что раздел Польши, учиненный Германией и Россией в 1939 году, является теперь недействительным, а также освобождения Россией всех польских военнопленных и гражданских лиц, вывезенных в Советский Союз после оккупации Россией восточных районов Польши.

Эти переговоры продолжались весь июль и происходили в атмосфере холодности. Русские упорно отказывались взять на себя какое-либо определенное обязательство, которое отвечало бы пожеланиям поляков. Россия считала, что вопрос о ее западных границах не подлежит обсуждению. Можно ли было положиться на то, что она честно поступит в этом вопросе, когда закончатся военные действия в Европе, что произойдет, быть может, в отдаленном будущем? Английское правительство с самого начала было поставлено перед дилеммой. Наше вступление в войну с Германией явилось прямым результатом наших гарантий Польше. Мы были обязаны поддерживать интересы нашего первого союзника. На этой стадии борьбы мы не могли признать законной оккупацию русскими польской территории в 1939 году. В это лето 1941 года, менее чем через две недели после того, как Россия оказалась на нашей стороне в борьбе против Германии, мы не могли заставить нашего нового союзника, очутившегося в большой опасности, отказаться хотя бы на бумаге от пограничных областей, которые он на протяжении ряда поколений считал жизненно важными для своей безопасности. Положение было безвыходным. Вопрос о будущей судьбе польских территорий необходимо было отложить до лучших времен. На нас лежала неприятная обязанность рекомендовать генералу Сикорскому положиться на добросовестность Советского Союза при будущем урегулировании русско-польских отношений и не настаивать в данный момент на каких-либо письменных гарантиях относительно будущего. Я со своей стороны искренне надеялся, что, став в борьбе против Гитлера товарищами по оружию, союзные державы в конце концов окажутся в состоянии разрешить территориальные вопросы путем дружеского обсуждения за столом конференции. А в разгар битвы, в этот важный момент войны, все должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий. В этой борьбе воскресшая польская армия, сформированная из многих тысяч поляков, находящихся сейчас в плену в России, должна была сыграть благородную роль. По этому вопросу русские, хотя и с осторожностью, выражали готовность пойти на соглашение.

30 июля, после многих ожесточенных споров, между польским и русским правительствами было достигнуто соглашение. Дипломатические отношения были восстановлены, и на русской территории должна была быть создана польская армия, подчиненная верховному командованию Советского правительства. О границах не было упомянуто, если не считать общего заявления о том, что советско-германские договоры от 1939 года относительно территориальных изменений в Польше «утратили свою силу». В официальной ноте польскому правительству от 30 июля министр иностранных дел изложил нашу точку зрения:

«В связи с подписанием сегодня советско-польского соглашения я хочу воспользоваться случаем, чтобы поставить вас в известность, что в соответствии с условиями соглашения о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей от 25 августа 1939 года Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве не брало на себя никаких обязательств в отношении Союза Советских Социалистических Республик, которые затрагивали бы отношения между СССР и Польшей. Я хочу также заверить вас, что Правительство Его Величества не признает никаких территориальных изменений, произведенных в Польше после августа 1939 года».

Иден процитировал эту ноту в тот же день в палате общин и добавил:

«В параграфе 1 советско-польского соглашения говорится, что Советское правительство признает утратившими силу советско-германские договоры 1939 года о территориальных изменениях в Польше. Позиция Правительства Его Величества в этом вопросе была уже в общих чертах изложена премьер-министром в палате общин 5 сентября 1940 года, когда он заявил, что Правительство Его Величества не намерено признавать какие-либо территориальные изменения, происшедшие без добровольного согласия заинтересованных сторон. Это относится и к тем территориальным изменениям, которые были произведены в Польше после августа 1939 года, о чем я соответственно уведомил польское правительство в своей официальной ноте».

Отвечая на вопрос, Иден в заключение сказал: «Обмен нотами, которые я только что огласил для сведения палаты, не влечет за собой каких-либо гарантий границ со стороны Правительства Его Величества».

Этим дело и кончилось. В течение осени поляки были заняты тяжелой задачей – собрать тех соплеменников, которым удалось выжить в концентрационных лагерях Советского Союза.

Мы приветствовали вступление России в войну, но немедленной пользы оно нам не принесло. Немецкие армии были столь сильны, что казалось, они могут в течение многих месяцев по-прежнему угрожать вторжением в Англию, ведя одновременно наступление в глубь России. Почти все авторитетные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены. То обстоятельство, что Советское правительство допустило, чтобы его авиация была застигнута врасплох на своих аэродромах, и что подготовка русских к войне была далеко не совершенной, с самого начала поставило их в невыгодное положение. Русские армии понесли ужасающие потери. Несмотря на героическое сопротивление, умелое и деспотичное военное руководство, полное пренебрежение к человеческой жизни и жестокую партизанскую войну в тылу наступающих немецких войск, на всем протяжении 1200-мильного русского фронта, к югу от Ленинграда, советские войска отступили на 400–500 миль. Сила Советского правительства, стойкость русского народа, неистощимые людские резервы, огромные размеры страны, суровая русская зима были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии. Но ни один из этих факторов еще не сказался в 1941 году. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и что Москва не будет взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения.

Даже в августе 1942 года, после моей поездки в Москву и проведенных там совещаний, генерал Брук, сопровождавший меня, придерживался мнения, что немецкие войска перейдут через Кавказский хребет и захватят бассейн Каспийского моря. В соответствии с этим мы постарались как можно лучше подготовиться к оборонительным действиям в Сирии и Персии. Я всегда оценивал способность русских к сопротивлению более оптимистично, чем мои военные советники. Я полностью полагался на заверения премьера Сталина, данные мне в Москве, что он удержит фронт на Кавказе и что сколько-нибудь крупным силам немцев не удастся достичь Каспийского моря. Но информация о ресурсах и намерениях Советов, которой нас удостаивали, была столь скудна, что все мнения как за, так и против были не больше чем догадкой.

Действительно, вступление русских в войну отвлекло немецкую авиацию от налетов на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения. Оно значительно облегчило наше положение на Средиземном море. Однако, с другой стороны, мы были вынуждены пойти на тяжелые жертвы и лишения. Мы только-только начали как следует вооружаться. Наши военные заводы наконец-то стали в больших количествах производить всевозможные виды вооружения. Наши армии в Египте и в Ливии вели тяжелые бои и требовали вооружения самых последних образцов, прежде всего танков и самолетов. Английские армии, находившиеся в метрополии, с нетерпением ожидали давно обещанного современного непрерывно усложнявшегося вооружения, и оно наконец-то стало поступать к ним в большом количестве. И вот в этот самый момент мы были вынуждены поступиться очень значительным количеством нашего вооружения и жизненно важных материалов всевозможного рода, включая каучук и нефть. На нас пало бремя организации конвоев судов для перевозки английских и в еще большей степени американских поставок и доставки этих конвоев в Мурманск и в Архангельск, несмотря на все опасности и тяготы плавания в этих арктических водах.

Все американские поставки фактически выделялись из того, что уже было успешно доставлено или должно было быть доставлено нам самим через Атлантический океан. Для того чтобы выделить такое огромное количество материалов и обойтись без возрастающего

потока американской помощи, не поставив тем самым под угрозу наши операции в Западной пустыне, нам пришлось свернуть все диктовавшиеся благоразумием приготовления к обороне Малаккского полуострова и наших восточных имперских владений от непрерывно возраставшей угрозы со стороны Японии.

Отнюдь не желая хотя бы в малейшей степени оспаривать вывод, который подтвердит история, а именно что сопротивление русских сломало хребет германских армий и роковым образом подорвало жизненную энергию германской нации, справедливо указать на то, что более года после вступления России в войну она нам казалась обузой, а не подспорьем. Тем не менее мы были рады иметь во время войны эту могущественную нацию на нашей стороне, и все мы считали, что, даже если советским армиям придется отойти к Уральским горам, Россия все еще будет представлять огромную, а если она будет стойко продолжать войну, то в конечном счете и решающую силу. <...>

Помощь России

Прошло два месяца с начала боев на русском фронте. Немецкие армии нанесли ужасные удары, но теперь проявилась и другая сторона медали. Несмотря на понесенные страшные потери, русские продолжали упорно и стойко сопротивляться. Их солдаты стояли насмерть, а их армии обретали опыт и мастерство. За линиями немецких фронтов появились партизаны, которые повели жестокую войну против немцев, нарушая их коммуникации. Захваченная противником русская железнодорожная сеть оказалась непригодной; шоссейные дороги не выдерживали интенсивного движения немецкого транспорта, а двигаться без дорог после дождя было часто невозможно. Транспортные средства уже начинали изнашиваться. Оставалось едва три месяца до прихода страшной русской зимы. Может ли за это время быть взята Москва? А если она будет взята, то окажется ли этого достаточно? Вот в чем был роковой вопрос. Хотя Гитлер все еще находился в приподнятом настроении после победы под Киевом, немецкие генералы уже ясно могли ощущать, что их прежние дурные предчувствия оправдываются. В ходе операций на фронте, который сейчас стал решающим, произошла четырехнедельная задержка. Задача «уничтожения войск противника в Белоруссии», которая была поставлена перед центральной группой армий, все еще не была выполнена.

Но по мере того как наступала осень и приближался решающий кризис на русском фронте, советские требования к нам делались все более настойчивыми.

Лорд Бивербрук вернулся из Соединенных Штатов, где ему удалось еще больше стимулировать и без того уже мощные силы, содействовавшие огромному увеличению промышленного производства. Теперь он стал в военном кабинете поборником помощи России. Он оказал ценные услуги в этой области. Когда мы вспоминаем, каких трудов стоило нам подготовить сражение в Ливийской пустыне, наше глубокое беспокойство относительно Японии, которое бросало свою тень на все наши действия в Малайе и на Дальнем Востоке, а также о том, что все посылавшееся в Россию урывалось из того, что было жизненно необходимо Англии, становится ясно, как важно было, что кто-то столь ревностно отстаивал русские требования в наших высших кругах. Я старался сохранять в уме представление о надлежащих пропорциях и разделял свои тяготы с моими коллегами. Нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар свою собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника – угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно относившегося безразлично к тому, выживем мы или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.